

Российский гуманитарный научный фонд

Правительство Тверской области

Тверская региональная общественная организация

Общероссийской общественной организации —

Общество «Знание» России

Научно-исследовательский Центр краеведения и этнографии

Государственной академии славянской культуры (Москва)

ВОДНЫЕ ПУТИ: ПУТИ ЖИЗНИ, ПУТИ КУЛЬТУРЫ

Международная научная конференция

Тверь, 15—19 сентября 2015 года

Тезисы докладов

Тверь 2015

Конференция проходит
при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Тверской области,
проект № 15-14-69501 г(р)

М. Ю. Тимофеев
Гидросфера России: семиотический аспект

Проблему, к рассмотрению которой я обращаюсь, можно сформулировать так: какую роль играют образы и знаки океанов, морей, озер, рек и болот в российской семиосфере, каким образом водные объекты получают общенациональный статус, как он поддерживается в культуре повседневности и насколько значим.

Гидросфера нации понимается нами как знаково-символический комплекс (семиосфера) репрезентаций водных ресурсов страны. Океаны, моря, озера, реки представляют собой природные гидрообъекты, образы и названия которых активно используются для формирования представлений о символическом национальном физическом пространстве — нациошафте. Необходимо подчеркнуть, что в семиосфере физическая реальность трансформируется в ментальную, знаковую реальность.

То обстоятельство, что Россия омывается 12 морями трех океанов, на ее территории находится самое глубокое пресноводное озеро Байкал и ей принадлежит часть акватории самого большого в мире озера — Каспийского моря, а 25 российских рек имеют длину в более чем одну тысячу километров, делает гидросферу страны значимым фактором формирования российской ментальности.

Об авторе:

ТИМОФЕЕВ Михаил Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета, главный редактор сетевого научного издания «Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований», Иваново; e-mail: timofeev.01@gmail.com

В. М. Воробьев
Водный путь между Владимирской Русью
и Великим Новгородом

Центральный участок важного водно-волокового пути между Владимирской Русью и Великим Новгородом, пролежавший от устья Медведицы при ее впадении в Волгу до побережья Тверцы, не описан в отечественной науке.

Сведения, полученные тверскими археологами в процессе разведок и раскопок, подтверждают факт его существования и обеспечивают исследователей материалами по исторической географии и материальной культуре. Эти материалы достаточно адекватно отражают реальную древнюю действительность в интересах реконструкции процесса расселения и исторической географии территории в первобытности и в эпоху средневековья.

Особенно ярко и детально фиксируется движение вверх по Медведице, где на расстоянии каждого дня пути (25—30 км) выявлены и изучены крупные археологические комплексы, состоящие из поселений и некрополей: Медведицкое, Посады, Выркино, Баскаки, Новое, Васильки.

Интерес для последующих культурно-исторических исследований представляет изучение медведицко-тверецкого (Новостанского) волока и примыкающего к нему пространства в пределах Лихославльского и Спировского районов Тверской области.

Тверецкая часть данного водно-волокового пути состоит из двух участков: 1) вниз по Большой Тигме до места ее впадения в Тверцу; 2) вверх по Тверце до ее истока. Оттуда пролегал переход-волок через Главный Европейский водораздел в бассейн Цны и Мсты в районе Вышнего Волочка.

Движение за волоком вниз по течению Цны, а затем по проточному озеру Мстино и по течению Мсты отличается от движения вверх по Медведице ритмом прохождения этого участка, поскольку вниз по течению большой реки можно двигаться как по берегу, так и по воде. На берегах Мсты в пределах Тверской области археологи не встретили таких средневековых могильников, как на Медведице, кроме двух микрорайонов в районе с. Млёво и с. Берёзовский Рядок, но выявлены древнерусские селища у дд. Леонтьево и Лютивля, а также городище у д. Казикино.

В целом археологические материалы поселений и могильников, расположенных по берегам Медведицы, Тверцы и Мсты, убедительно свидетельствуют о наличии важного водно-волокового пути по этой речной системе. Осмыслению его значимости в русской истории могла бы содействовать комплексная ландшафтно-археологическая экспедиция по маршруту от берегов Медведицы до берегов Тверцы с привлечением специалистов по топонимике, церковной географии, этнографии и фольклору. В дальнейшем можно превратить этот маршрут в туристический.

Об авторе:

ВОРОБЬЁВ Вячеслав Михайлович, доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и истории культуры филиала ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры» в г. Твери, Тверь; e-mail: tver_volok@mail.ru

Т. И. Печерская

**Водные маркеры пространственной картины мира:
сибирские путешествия П. С. Палласа и А. Ф. Ф. Коцебу**

Сочинение «Путешествие по разным провинциям Российского государства» П. С. Палласа и «Достопамятный год моей жизни» А. Ф. Ф. Коцебу, написанные на основе путевых журналов, путевых записок и дневников, отражают их пребывание в Сибири. Научный отчет известного исследователя Сибири Палласа и мемуары литератора и драматурга Коцебу, оказавшегося в ссылке по произволу Павла I, дают возможность рассмотреть, как оформлялась пространственная картина мира в разножанровых текстах, написанных при столь разных обстоятельствах. Обоих путешественников, что немаловажно в данном случае, сближают обстоятельства биографического характера: оба они были людьми XVIII века, немцами, оказавшимся на службе русских императоров, Екатерины и Павла I, оба ко времени путешествия обладали европейской известностью — каждый был прославлен в своей области, для обоих поездка в Сибирь изначально не вписывалась в личные планы.

Сибирь как пространство неизбежно оказывается вписанной в картину мира каждого: то, *как* она увидена, целиком оказывается связанным с внутренним состоянием воспринимающего. В письменном тексте интенция пишущего так или иначе проявляется и в характере сюжетной событийности, и в тематических маркерах (выбор объектов описания, предпочтения, фокусировка на тех или иных пространственных деталях), позволяющих уловить акцентировку пространственного восприятия. В данном случае предметом внимания являются «водные» маркеры пространства: реки, ручьи, озера, составляющие неотъемлемую часть того природного пространства, в котором вольно или невольно оказались путешественники.

Пространство Сибири для Палласа — это своего рода Terra Incognita, земля неизвестная, требующая описания, нанесения на карту. Физическая «карта» перемещения экспедиции всецело определяется движением рек: вдоль рек, по рекам, через реки, от реки к реке. Карта будто размечается по границам, линиям рек. Палласу свойственно ощущение первопроходца, он почти в библейском смысле не только описывает мир, но часто впервые дает наименование тому, что в нем находится.

Водные объекты описания, на первый взгляд, представляют вполне научно-прагматический интерес, в то же время восхищенное описание природным изобилием Сибири, изумление перед разнообразием растительности, чистотой вод и воздуха формирует картину первобытного мира, созданного для благоденствия человека. Картина первобытного мира формируется и за счет описания следов древних геологических срезов (морские раковины, окаменелости растений и кости мамонтов и прочих животных). Наличие подобных «артефактов» Паллас может объяснить только

последствиями всемирного потопа, библейская и научная картина мира естественным образом соединяются в понимании ученого, и это во многом определяет картину мира в целом. В целом сочинение Палласа передает ощущение человека, находящегося сразу в двух временных измерениях: древнее «первотворение»/сотворение мира и современное открытие/покорение новых земель, своего рода открытие Америки.

Совсем другое состояние духа сопутствовало другому путешественнику, знаменитому драматургу Коцебу. В его восприятии мир катастрофичен: он грандиозен, таинственен, неизведан. Природа поворачивается своей враждебной стороной к человеку, всё в ней стремится погубить его, лишить жизни или свободы. В мемуарах Коцебу, как и в «Путешествии...» Палласа, встречаются очень похожие описания разлива рек, переправ, водных путей, которыми он следует в ссылку, при этом восприятие близких картин существенно отличается. Если бы не влияние сочинения Палласа (его он читает в пути), определившее хотя бы эпизодический интерес Коцебу к природному, этнографическому окружению, записки его вряд ли вообще отразили что-либо кроме собственно душевного состояния вынужденного путешественника (Сибирь — гибельная страна, дикий край, где его ждет могила).

Сибирское пространство обоих путешественников отличается ровно настолько, насколько различно их внутреннее состояние, обстоятельства, благодаря которым они оказались в Сибири. Можно сказать, что в дискурсивном плане, вне личных особенностей авторов, эти два текста являются прецедентными: они вполне характеризуют основные типы сочинений о пребывании в Сибири, основной корпус которых сложился позже. Картина мира в научно-популярном дискурсе исследователей Сибири и мемуарном дискурсе ссыльных почти во всех случаях будет совпадать с рассмотренной нами на примере сочинений Палласа и Коцебу, и в этом случае немецкая принадлежность авторов ничего не меняет. Однако в XIX в. число политических ссыльных, людей образованных, пишущих сочинения, подобные мемуарам Коцебу (притом что собственно политическим ссыльным его назвать нельзя), возрастает, если не становится преобладающим.

Об авторе:

ПЕЧЕРСКАЯ Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики преподавания литературы ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», Новосибирск; e-mail: ptatiana9@gmail.com

М. В. Строганов

С. М. Прокудин-Горский. Путешествие по Верхней Волге*

1. Исходя из известной поговорки «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», в докладе сопоставляются возможности словесного и изобразительного травелогов представлять тот или иной объект, местность, событие. Развитие полиграфической промышленности позволило оснащать травелогов большим числом иллюстраций, что повысило информационную емкость травелога. Иллюстративный ряд становится почти обязательным в любом путешествии, и травелог без иллюстраций, построенный только в словесной форме, стал признаком плохого тона. Когда же фотография осознала себя особой формой изобразительного искусства, она отказалась играть второстепенную, дополнительную роль в паре со словесным текстом. В этой атмосфере и возник проект Прокудина-Горского «Коллекция достопримечательностей Российской империи» (1909—1916), который был рекламным проектом государственного масштаба.

2. Считается, что Прокудин-Горский сделал в Тверской губернии 186 работ. Но оригинальных сюжетов было 182. Однако и в этом случае материал Тверской области стоит на 3-ем месте после Ярославской (266) и Свердловской (234) областей.

2.1. Фотография как изобразительное искусство отличается экстенсивностью и дискретностью. Травелог представляет пространство в движении, а фотография — одномоментное состояние предмета или явления в пространстве. Прокудин-Горский фотографирует исток Волги (часовню над истоком) трижды: две фотографии представляют разные фасады часовни, а третья — общий вид. Но движения в фотографиях нет.

2.2. Любое пространство имеет присущие ему свойства, поэтому травелог стремится отразить их, иначе он не оправдает свое собственное название и назначение. В Тверской губернии сделано 182 фотографии: 78 — реки, речки и озера (плюс около десяти фотографий с сооружениями и видами берегов); 94 — церкви, монастыри и часовни (плюс панорамные снимки, где над/за крышами домов возвышаются главы церквей). На 44 фотографиях церковные сооружения представлены вместе с водой, поэтому фотографий культовых сооружений, где нет воды, оказывается только 50. Далее: 13 — интерьеры церквей и церковная утварь; 24 — музейные и этнографические экспонаты; 8 — природа (в основном, цветущие деревья); 4 — люди за работой и плоды человеческой деятельности (вспаханное поле, поле с навозом); 4 — гражданская архитектура. Прокудин-Горский представляет Верхневолжье как край речной и православный.

*Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Тверской области научного проекта «Верхневолжские водные пути в русской культуре» (№14-14-69002).

Об авторе:

СТРОГАНОВ Михаил Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры искусствovedения, директор научно-исследовательского Центра краеведения и этнографии Государственной академии славянской культуры, Москва; заведующий сектором координации научных программ Государственного республиканского центра русского фольклора, Москва; e-mail: mistro@rambler.ru

Е. Г. Милюгина

**Водные промыслы и профессии на Верхней Волге
в XVI–XIX веках**

Среди работ о российском внутреннем судоходстве и связанных с ним отхожих промыслах особый интерес представляют исследования, посвященные формированию рынка наемного труда на реках России. Подобные работы базируются, как правило, на социокультурном материале Среднего и Нижнего Поволжья, оставляя аналогичные материалы Верхней Волги на периферии исследования. Между тем наш опыт выявления и систематизации источников по водным путям Верхней Волги показывает, что верхневолжское судоходство и бурлачество представляют собой самобытное и семантически насыщенное явление русской истории и культуры, заслуживающее специального изучения.

Водные промыслы на Верхней Волге XVI–XVII вв. запечатлены в путевых альбомах посольств: это судорабочие на струге и лодочники на переправе через Волгу в Твери (А. Олеарий, рисовальщик Г. Граман, 1634); перевозчики на Шлине и Цне у Вышнего Волочка, гребцы и кормчие с потесями на Тверце в Торжке и Медном, на Волге в Твери и Богородицком (Пречистый Бор) и на Шоше в Шоше-Воскресенском (А. Мейерберг, рисовальщик Сторн, 1661).

Водные профессии возникают с созданием Вышневолоцкой водной системы (1703). В XVIII в. сформировалось несколько способов передвижения судов по рекам (самосплавом, на веслах, парусах, с помощью бечевой тяги, завоза якорей), и в результате произошла дифференциация водных профессий. Чрезвычайно востребованной стала профессия лоцмана, необходимого и при сплаве, и при взводном судоходстве. В зонах, затруднительных для сплавного судоходства, а также при взводном судоходстве использовался труд бурлаков — рабочих артелей, которые занимались передвижением судов и груженных барок на судоходных реках. Востребованы были и коноводы — крестьяне, нанимавшиеся тянуть барки лошадьми. Создание Вышневолоцкой водной системы анализируется как фактор, стимулировавший массовое обращение жителей региона к водным профессиям, что кардинально изменило их статус как участников социально-экономического процесса.

Развитие пароходного и железнодорожного сообщения на Верхней Волге не упразднило профессий лоцманов, бурлаков и коноводов, но существенно изменило условия их труда и меру и степень его востребованности. Эти факторы стали главной причиной угасания традиционных водных профессий-промыслов. Расцвет водных профессий на Верхней Волге пришелся на середину XIX в., когда в силу экономической необходимости они стали самыми востребованными, а их носители — одной из самых многочисленных профессиональных групп региона. Однако та же экономическая необходимость привела в середине XIX в. к созданию и активному развитию парового речного флота, вытеснившего традиционные промыслы, на смену которым пришли новые профессии, отвечающие духу и требованиям времени.

Об авторе:

МИЛЮГИНА Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка с методикой начального обучения Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь; e-mail: elena.milyugina@rambler.ru

В. А. Доманский

Целебная сила воды в славянских культурах

Картина мира у древних славян была маркирована водной стихией и нашла свое отражение в мифологии и произведениях фольклора, а затем художественной литературы. В славянских культурах она наделена разными функциями, и одна из них связана с целебной силой воды. Особенно ценилась вода весенних дождей, которая принималась за божественный напиток, прогоняющий злых духов, дающий красоту, молодость, здоровье и крепость. До сих пор в полесских селах во время весенней грозы стариков в легких одеждах выводят на улицу, чтобы те получили целебную силу неба.

С целебной силой воды связаны образы мертвой и живой воды, распространенные в русских народных сказках, как, например, в сказке «Иван-царевич и Серый Волк». Большое значение славяне придавали волшебной силе ручьев, рек, источников, колодцев. Места поселения и основания городов и сел часто связаны с ними. На их берегах, по их верованию, селилась богиня Берегиня, оберегающая их род, семью. Этот культ прочно вошел в фольклор, а затем и в литературу. В частности, в эстетике романтизма знаковым является образ «родимого ручья», родного берега.

Сакральным для наших предков был ритуал купания, мытья в бане, где они смывали, по их мнению, не только грязь, но и грязь духовную — оболочку порока, тьмы, ненависти. Это обряд священнодействия, переро-

ждения, обновления человека. Очищалась не только кожа, но и обновлялась душа, аура. Омовение совершалось перед важными делами, чтобы человеку не помешали нечистые силы, например перед пахотой, сбором урожая, свадьбой, сражением. Умершего перед обрядом похорон также обязательно мыли, одевали в новые одежды, чтобы он предстал чистым перед богом.

Об авторе:

ДОМАНСКИЙ Валерий Анатольевич, доктор педагогических наук, профессор ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова», Санкт-Петербург; e-mail: vale-rii_domanski@mail.ru

А. К. Коненкова

**Символический образ воды в архитектуре Москвы
конца XIX — начала XX века**

Преодоление архитектурой модерна ампириной гармонии воплощает в себе попытку урбанизированного человека вернуться к гармонии с природой. Важным приемом на этом пути были природные образы, в частности образы воды, которые архитекторы активно включали в оформление фасадов и интерьеров своих сооружений. В статье рассматриваются сооружения модерна в центре Москвы.

Об авторе:

КОНЕНКОВА Алла Кирилловна, кандидат культурологии, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры», Москва.

О. А. Фарафонова

**«Записки» адмирала А. С. Шишкова:
путеплавание vs путешествие**

Изданные в 1834 г. в типографии Императорской Российской Академии «Записки адмирала А.С.Шишкова» представляют собой, скорее всего, литературно обработанный путевой дневник.

На протяжении всего повествования «Записок» закономерно прослеживается оппозиция вода / суша. Это фиксируется в частности тем, что способ передвижения человека в первом случае называется Шишковым «путеплаванием», а во втором — «путешествием». Путеплавание не является для человека естественным и сопровождается всевозможными опас-

ностями. Жизнь на воде — вынужденная, по мере необходимости выполнения «своих должностей», — явно тяготит Шишкова. Долговременное пребывание на корабле в открытом море ассоциируется у него с заточением в клетке. Именно огромность морского пространства, его переменчивость и нестабильность противопоставляются земле, высадка на берег (даже чужой страны) приравнивается к освобождению.

«Путеплавание» и «путешествие» составляют основную сюжетную оппозицию, организуя определенным образом всю повествовательную структуру «Записок». Путешествием Шишков называет исключительно передвижение по суше, которое человек предпринимает по собственной воле. На море воля человека не только подчинена воле долга, но и всегда оказывается в конфликте с волей стихии.

Невозможность точного картографического указания, которую отмечает Шишков, обусловлена еще и тем, что на обширном пространстве водной глади нет стабильных ориентиров для мореплавателей, не остается никаких следов предшественников. Путеплавание даже с новейшей картой — это каждый раз игра с судьбой. Пространство суши воспринимается как более стабильное и понятное в сравнении с морским еще и потому, что на земле и в земле сохраняется, в противоположность морю, множество вещественных доказательств вечности жизни человека.

Земля как место обитания человека запечатлевает следы его пребывания в мире даже в том случае, если вещественный, осязаемый след давно и безвозвратно утрачен. Греческий берег, благодаря общекультурной памяти, не является для Шишкова чем-то безусловно *чужим*, а воспринимается, скорее, как неизвестное *свое*. Стихотворные тексты, которые Шишков знает в совершенстве, выполняют для него роль своеобразной, но довольно точной карты местности не столько в географическом, сколько в духовном и культурном смысле. Историко-мифологические маркеры становятся его путеводителем во время путешествия по Италии.

Об авторе:

ФАРАФОНОВА Оксана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», Новосибирск; e-mail: oxana.faroks@yandex.ru

А. Н. Неминуший
«Фрегат „Паллада”» И. А. Гончарова:
телесный код морского вояжа

Одним из значимых признаков художественного мира очерковой книги «Фрегат „Паллада“» является то, что в нем совмещаются различные, зачастую полемические по смыслу мотивы. С одной стороны, автор включает в свой текст многочисленные ассоциации, отсылающие читателя к опытам романтической поэзии и прозы, где был активно представлен сюжет морского путешествия. В качестве конкретных европейских ориентиров можно упомянуть романтическую маринистику С. Кольриджа, Дж. Байрона и Ф. Марриета. Среди русских образцов выделяются повести А. А. Бестужева-Марлинского «Лейтенант Белозор» (1831), «Фрегат „Надежда“» (1833) и «Мореход Никитин» (1834), а также лирика Пушкина и Бенедиктова. С другой стороны, Гончаров критически относится к опыту своих литературных предшественников и создает собственную версию перемещения человека в морском пространстве.

Автор демонстрирует не только особенности эмоциональных и эстетических реакций персонажа, который оказался в условиях экзотической среды, но и специфику его поведения на уровне телесного кода, тех видов физической активности, которые дают возможность преобразовать чрезвычайные и уникальные внешние вызовы в часть быта. По этой причине в тексте скрупулезно воссоздаются и подвергаются анализу условия размещения путешественника-неофита на корабле, его восприятия непривычного меню, атмосферных явлений и т. п., прямо влияющих на физиологический статус человека, его взаимоотношения с водной стихией, то есть все то, что для поэтов и прозаиков эпохи романтизма было принципиально неактуальным.

В данной связи можно констатировать, что представленная Гончаровым «хроника телесного существования» в морском вояже демонстрирует несомненное влияние эстетики и поэтики «натуральной школы», с которой писатель был в свое время связан.

Об авторе:

НЕМИНУЩИЙ Аркадий Николаевич, доктор филологии, ассоциированный профессор кафедры русистики и славистики Даугавпилсского университета, Латвия; e-mail: arkadij05@inbox.lv

Наталия Няголова

Топос бассейна в болгарском кинематографе 1970-х годов

В докладе рассматривается семантика топоса бассейна в фильме режиссера Бинки Желязковой «Бассейн» (1977).

В мировом кинематографе тоpos бассейна чаще всего связывается с жанром криминального триллера. В 1969 г. французский режиссер, представитель *nouvelle vague* Жак Деро выпускает картину «Бассейн» с Аленом Делоном и Роми Шнайдер в главных ролях, а в 2001 и 2003 гг. появляются триллеры Бориса фон Зиховского и Франсоа Озона под тем же заглавием. Во всех трех фильмах тоpos бассейна связывается с криминальной интригой на фоне эротики и маниакальных состояний. Более сложную семантическую структуру данный тоpos приобретает в поэтике восточноевропейской «новой волны».

В фильме «Бассейн» Бинки Желязковой и Христо Ганева этот тоpos расширяет свой семантический объем и семиотические функции. Он представлен в фильме реальным спортивным сооружением Софии 1970-х гг. (бассейн «Спартак»). Кинокритики определяют тоpos бассейна в фильме как «аллегория жизни», однако он является метафорой не жизни вообще, а жизни 1970-х — ее оптимистической видимости и ее одиночества, отчужденности.

Топос бассейна в фильме выступает как элемент «алфавита» соцреализма, связанного со строительством новой жизни, лишь номинально. У него есть архетипическая функция — активизировать семантику, возникающую на мифопоэтическом уровне, семантику «живой» и «мертвой» воды, образы дна и преисподней. Он становится экзистенциальным пространством в духе Антониони, полифоничным символом фальши общественных порядков, потерянности личности, распада коммуникации.

Об авторе:

НЯГОЛОВА Наталия Димитрова, кандидат филологических наук, доцент Великотырновского университета имени святых Кирилла и Мефодия, Велико Тырново, Болгария; e-mail: nniagolova@abv.bg

О. Б. Кафанова

Вода в искусстве классицизма

Классицизм, базирующийся на философии рационализма, казалось бы, совершенно чужд феномену текучести, изменчивости, ассоциирующемуся с водной стихией. Однако именно садово-парковое искусство классицизма дало образцы использования водных ресурсов, не утратившие актуальности до сих пор. Искусственные водоемы (прямоугольные бассейны,

партеры, каналы, пруды) являются своеобразными зеркалами, отражающими и синтезирующими окружающий мир («Водные партеры» в Версале).

Фонтаны классицизма, украшенные барочными скульптурными группами, репрезентируют мифологические сюжеты (бассейн Латоны, фонтан Латоны в Во-ле-Виконт; фонтан «Колесница Аполлона» в Версале, фонтан «Самсон» в Петергофе). Мощная струя фонтана, бьющая вверх, символизирует культ разума, возвышающегося и доминирующего над природой (фонтан «Аполлон» в Версале). Все эти функции воды в садах классицизма запечатлены в «Поэтическом искусстве» Н. Буало, «Садах» Ж. Делиля, поэзии Г. Державина («Водомет») и др.

В меньшей мере вода нашла отражение в живописи классицизма. Ш. Лебрен предпочитал аллегорическое изображение («Вода», «Наяда, или Вода»). Н. Пуссен изображал воду как часть мифологического сюжета («Орфей и Эвридика», «Триумф Нептуна, или Рождение Венеры», «Моисей, спасенный из вод» и др.).

В рамках классицизма вода присутствует в синтезе таких искусств, как садовая архитектура, скульптура и отчасти живопись. Позже, в эпоху романтизма, изображение воды в разных ее ипостасях будет освоено писателями, художниками-живописцами и композиторами.

Об авторе:

КАФАНОВА Ольга Бодовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций Государственного университета морского и речного флота (ГУМРФ), Санкт-Петербург; e-mail: olg_kaf@mail.ru

С. А. Мезин

**«Ваша милость ныне при множестве фонтаннах
и протчих таких забав пребываете»: водные путешествия
и забавы Петра I во Франции (1717)**

Доклад содержит обзор водных путешествий Петра I во время его визита во Францию в апреле-июне 1717 г. Рассматривая вопрос о детской водобоязни царя, якобы предшествовавшей его страстной любви к водной стихии, автор приходит к заключению, что версия об «отвращении от водной езды» имеет фольклорное происхождение и не опирается на реальные исторические факты.

В 1717 г. Петр I прибыл во Францию по воде и, находясь в приморских городах Дюнкерке и Кале, внимательно изучал устройство каналов, шлюзов, дамб и портовых укреплений.

Во время пребывания в Париже Петр совершил поездку на гондоле по Сене, проплыв под всеми мостами и рассмотрев городские набережные французской столицы.

В загородных резиденциях французских королей царь с интересом знакомился с гидротехническими сооружениями: бассейнами, каналами, фонтанами, акведуком, с водоподъемной «машиной Марли».

Передвижение по воде и водные забавы были любимым времяпровождением царя. Эта своеобразная форма отдохновения от трудов всегда сочеталась у царя с познавательной деятельностью. Во Франции царь внимательным образом знакомился с устройством каналов, шлюзов, береговых портовых укреплений, покупал книги по гидротехнике и архитектуре, получал в подарок гравированные и рисованные альбомы с изображением парижских набережных и парков Версаля и Марли. Петр был покори́н красотой королевских резиденций, украшенных бассейнами, каналами, каскадами и фонтанами. Знакомство с ними укрепило желание царя создать аналогичные на русской почве — в Стрельне и Петергофе. Можно предположить, что знакомство с Парижем повлияло на формирование образа идеального города на реке, который затем воплощался на берегах Невы.

Об авторе:

МЕЗИН Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Института истории и международных отношений ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», Саратов; e-mail: mezinsa@mail.ru

А. Г. Гродецкая

**Водный ландшафт русской идиллии и идиллика
«рыболовных» сюжетов в прозе И. А. Гончарова**

Идиллический «рыболов» в качестве жанрового реквизита (вариант канонического «пастушка») в русской поэтической традиции утвердился благодаря популярной идиллии Н. И. Гнедича «Рыбаки» (1822). Поэтике *идиллического* у Гончарова в научной литературе последних десятилетий уделено значительное внимание (А. А. Фаустов, Е. И. Ляпушкина, Х. Роте и др.). Для его прозы актуальна идиллическая топика *дома* со всем многообразием ее компонентов. В 1835 г. Гончаров входит в семейство Майковых на правах домашнего учителя Аполлона и Валериана и на десятилетия сохраняет с семьей Майковых *домашнюю* близость, во многом оформленную в его восприятии и интерпретации идилликой домашнего «круга», «крова», «приюта». Н. А. и Ап. Майковы были страстными рыболовами, их фамильное увлечение отражено в многочисленных эпистолярных и творческих текстах семьи, в том числе в ранней повести Гончарова «Лихая

болеть» (1838) и неопубликованной ранней повести Ап. Майкова «Покорение страны Семи Пагод европейцами» (1839), созданных для рукописных домашних журнала «Подснежник» и альманаха «Лунные ночи». Многочисленны и домашние рисунки с изображением отца и сына Майковых, «преданных рыбной ловле», по словам Евг. П. Майковой, матери поэта. Близким другом семьи Майковых и Гончарова с конца 1830-х был В. Г. Бенедиктов, первым в домашнем кругу отдавший дань идиллической «рыболовной» традиции как автор идиллии «Вот как это было» (1839; первонач. назв. «Рыбари»). Позднее традицию продолжил Ап. Майков известной идиллией «Рыбная ловля» (1855).

Биографические герои гончаровской «Лихой болести» — семья Зуровых (т. е. семья Майковых), одержимая страстью к загородным прогулкам, во время которых одержимые «болетью» отец и сын Зуровы (т. е. Н. А. и Ап. Майковы) заняты исключительно рыбной ловлей. В ранней повести намечено характерное и для последующих модификаций идиллических сюжетов у Гончарова катастрофическое завершение (семья гибнет во время одного из путешествий), в данном случае поданное в пародийном, условно-трагикомическом освещении. Иначе трансформирован «рыболовный» сюжет в «Обыкновенной истории»: дойдя до «состояния совершенной одеревенелости», Александр Адуев опускается до «дна», до занятия социальных низов, до рыбной ловли с Костяковым, затем под «маской» идиллического рыболова пытается соблазнить «дачницу» Лизу. К домашней рыболовной теме Гончаров обращается и во «Фрегате „Паллада“», создав «морскую идиллию, ловлю акулы», как он ее называет в одном из писем к Майковым. Этот драматический этюд, редкий в прозе Гончарова по силе разрушительной и устрашающей живописи, создается автором с учетом жанровой памяти — как антиидиллия.

Об авторе:

ГРОДЕЦКАЯ Анна Глебовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург; e-mail: grodetskaiaag@mail.ru

Е. Н. Строганова

Реки и люди в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина

Предварительные заметки*

В произведениях Салтыкова 1850–1880-х гг. река присутствует как необходимый элемент городского ландшафта, но речные пейзажи и характерные приметы жизни речных городов сочетаются с условными формами репрезентации реки, причем можно говорить о динамике взаимодействия реального и условного планов в творчестве разных периодов.

В ранней повести «Тихое пристанище» (1858—1862) Салтыков не ограничивается изображением реки в ее реальном значении, он наделяет реку символической функцией, противопоставляя непокорную стихию человеческой жизни с ее «мелочными преследованиями». Условно-символический принцип окажется актуальным в «глуповских» очерках начала 1860-х гг. и в романе «История одного города» (1869—1870). В очерках сохраняется прием соотнесения образа реки — Большой Глуповицы — с жизнью людей, но в основе его лежит не контраст, а уподобление. При этом образ реки лишается реального наполнения и приобретает сугубо условный характер. В «Истории одного города» смысловой доминантой упоминаний о реке становится оппозиция *река / люди*. Возвратившись к городу Глупову, Салтыков усиливает элемент условности и наделяет реку символической функцией; как и в «Тихом пристанище», она становится символом непокоренной стихии.

Иначе обстоит дело в произведениях 1870—1880-х гг. В романе «Современная идиллия» (1877—1883) Салтыков переводит изображение реки — Волги — в реальный план, сообщая конкретные приметы плавания героев и особенности жизни речных городов. Волга выступает в своем обыденном, бытовом облике, отсутствуют элементы ее поэтизации и идеализации как национально-государственного символа.

Отмеченные в произведениях 1850—1860-х гг. формы условного изображения реки были в известной степени данью литературе. В романе «Современная идиллия» писатель отказывается от клише в изображении реки и от наделения ее символическим смыслом, что было обусловлено также и жанровыми особенностями произведения, значительную часть которого составляет путешествие героев.

*Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-04-00389).

Об авторе:

СТРОГАНОВА Евгения Нахимовна, доктор филологических наук, профессор кафедры искусствоведения, главный научный сотрудник научно-исследовательского Центра краеведения и этнографии Государственной академии славянской культуры, Москва; e-mail: enstroganova@yandex.ru

С. М. Шаврыгин

***Река* как мифопоэтический образ
в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина**

Река как мифопоэтический образ и элемент нового языка литературы появился впервые у Салтыкова Щедрина в «Губернских очерках» и в даль-

нейшем развивался в произведениях послевоенного периода сначала как поэтический образ, связанный с традицией Гоголя и переосмысленный, трансформированный в соответствии с мирозерцанием Салтыкова, затем на протяжении творчества 1860-х годов как топографическая составляющая глумовского городского хронотопа и в итоге преобразовался в универсальный эсхатологический символ в «Истории одного города».

Об авторе:

ШАВРЫГИН Сергей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, декан филологического факультета ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова», Ульяновск; e-mail: svrg_55@mail.ru

Д. К. Равинский **Водная стихия Петербурга**

«Наличие широкой судоходной реки с ее многочисленными рукавами и протоками, обилие расположенных между ними крупных и мелких островов, обширная сеть каналов составляют главные отличительные черты Ленинграда. Около одной шестой территории города (не считая пригородов) занято под водой, причем на внутренние воды районов приходится свыше 1782 га». Эти сухие сведения из путеводителя лишь намекают на ту огромную роль, которую водные пути играли и продолжают играть не только в повседневной жизни Петербурга — Петрограда — Ленинграда, но и в его, можно сказать, культурно- психологической ауре, в формировании образа города и психологии его обитателей.

Водное пространство играет важную роль в формировании понятия «красота Петербурга», которое сегодня представляется нам чем-то бесспорным и очевидным, однако Александру Бенуа в свое время приходилось отстаивать правомерность такого понятия. Примечательно, что в своих знаменитых воспоминаниях Бенуа буквально с первых страниц обращается к «водной» стороне Петербурга: «Вообще во всем Петербурге царит изумительно глубокая и чудесная музыкальность. Пожалуй, это идет от воды (по количеству рек и каналов Петербург может соперничать с Венецией и Амстердамом), и музыкальность эта как бы заключается в самой влажности атмосферы». На наш взгляд, говоря о «влажности атмосферы», порождающей музыкальность (и приводя в качестве примера музыку «Пиковой дамы» «с ее чудодейственным вызыванием теней»), Бенуа имел в виду особый характер Петербурга как «города туманов и снов» (П. Соловьева). «Туманность», «призрачность» давно стали характерными чертами образа Петербурга (см. хотя бы «Петербургские туманы» И. И. Ясинского).

На основе малоизвестных и забытых произведений художественных произведений автор постарался продемонстрировать многообразие психологического опыта, связанного с водной стихией Петербурга.

При всем этом водное пространство Петербурга воспринималось и как таящаяся опасность, причем не только из-за пресловутых наводнений. Какая-то мрачная гипнотическая сила ощущалась чуткими обитателями города. В этой связи стоит, возможно, вспомнить еще об одной стороне «водного Петербурга»: в городе множество мостов. Давно и заслуженно то обстоятельство, что «мосты повисли над водами» стало одним из важных аспектов красоты Петербурга. Вместе с тем мосты окутаны мистическими поверьями, придающими им таинственное, даже зловещее значение.

Решу утверждать, что именно это сочетание «веселого» и «жуткого», восхищения и тревоги, красоты и угрозы и создают обаяние Петербурга, «города над вольной Невой».

Об авторе:

РАВИНСКИЙ Дмитрий Константинович, кандидат педагогических наук, научный сотрудник Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург

Л. А. Тимофеева

П. П. Нейдгардт и его путешествие по Волге

П. П. Нейдгардт (ок. 1821 — 1873?), чиновник Министерства внутренних дел России, был одним из первых авторов профессиональных путеводителей по Волге. Его книга, написанная после путешествия вниз по Волге, предпринятого летом 1861 г., была результатом собственных наблюдений и анализа статистических материалов, с которыми Нейдгардт, секретарь Санкт-Петербургского статистического комитета в 1864–1871 гг., был хорошо знаком. Изданию «Путеводителя по Волге» (СПб., 1862), который включал сведения об истории, географии и экономике Волжского бассейна, характеристику водного пути и расстояний между остановками, предшествовали публикации нескольких статей в газетах. Эти материалы, среди которых была серия очерков, анонимно опубликованных в астраханской газете «Волга», существенно дополняли текст путеводителя и обнаруживали писательские дарования Нейдгардта.

Об авторе:

ТИМОФЕЕВА Любовь Анатольевна, главный библиотекарь отдела БАН при ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург; e-mail: l_tim@bk.ru

Л. А. Тимофеева

**«...Кто хочет видеть Волгу во всем ее величии...»:
писатель-путешественник Э. Р. Циммерман**

Э. Р. Циммерман (1822 — не ранее 1903) — один из популярных во второй половине XIX в. литераторов, писавших в жанре путевого очерка. Он был знаменит собственными путешествиями по разным странам мира. Очерки Циммермана, написанные по ходу поездок, печатались в петербургских и московских периодических изданиях, часть их была напечатана в виде отдельных книг об Америке и Азии. Особый интерес, возникший во время первого путешествия в Северную Америку в 1858–1859 гг., Циммерман проявлял к состоянию и особенностям транспортных сообщений. В России он изучил Закаспийскую и Сибирскую железную дорогу и Волжский пароходный путь. Поездка на Волгу была предпринята в 1892 г., по ее впечатлениям написана книга «Вниз по Волге» (М., 1896), не потерявшая познавательного значения по сей день. Она состояла из исторических справок, географических данных и собственных наблюдений.

Об авторе:

ТИМОФЕЕВА Любовь Анатольевна, главный библиотекарь отдела БАН при ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург; e-mail: l_tim@bk.ru

Ю. В. Прокопчук

Рассказ «Течение воды»

в контексте мировоззренческих основ Л. Н. Толстого

Любовь Л. Н. Толстого к воде: плавание, водные путешествия, изображение воды, водных источников в художественных произведениях. Особое внимание Толстого к водной стихии при изложении основ мировоззрения, в поисках религиозной истины.

Рассказ «Течение воды», конфуцианская тема. Идея развития и передачи из поколения в поколение основ истинного учения о жизни. Из пяти конфуцианских норм (гуманность, ритуал, доверие, справедливость, мудрость) с водой ассоциируется мудрость (чжи)

Передача истинного учения, уяснение религиозной истины в изображении Толстого. Перечень религиозных деятелей и философов — проповедников истины в толстовских произведениях (Будда, Конфуций, Лао-цзы, Сократ, Эпиктет, Б. Паскаль, И. Кант, А. Шопенгауэр и др.).

Упоминание воды в даосской традиции («Дао дэ цзин»), внимание Толстого к данным отрывкам из даосского трактата.

Феномен текучести, его отражение в толстовском творчестве. Исследовательские работы по данной теме.

Преодоление водного потока как метафорический образ поисков религиозной истины в «Исповеди» Толстого.

Круговорот воды в природе (отражение феномена в рассуждении «Куда девается вода из моря?» из «Азбуки» Толстого), бесконечность водного пространства как символ бесконечности религиозных поисков и неисчерпаемости истины.

Об авторе:

ПРОКОПЧУК Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий экскурсионно-методической службой ФГБУК «Государственный музей Л. Н. Толстого», Москва; e-mail: prokorchuk17@mail.ru

Ю. В. Розанов

Вологодские реки в текстах Алексея Ремизова

Вологодская земля богата различными водными объектами: реки, озера, в последние столетия — каналы и водохранилища.

Писатель Алексей Ремизов отбывал ссылку в Вологодской губернии с 1900 по 1903 г., жил он во вполне речных местах, немало поплавал по местным рекам. В «вологодских» произведениях писателя встречаются самые разнообразные речные мотивы: названия рек, их характеристики, речные пейзажи, названия судов и пароходных компаний, исторические и мифологические представления о реках и речных существах, экзистенциальные взгляды на символическую сущность рек.

В мифопоэтике символизма наблюдается определенная закономерность в трактовке водной стихии. Стоячая вода (к этой категории относятся и реки с медленным течением) отражает «диаволический», «лунный» мир теней и демонов, а текучая вода описывается в философско-эпическом ключе как «река времени», течение вечности. Речные мотивы у Ремизова, рассмотренные в статье, соответствуют этому делению, причем независимо от времени создания произведений.

Об авторе

РОЗАНОВ Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», Вологда; e-mail: rosanov007@gmail.com

А. В. Кулагин

Водные пути в поэтическом сознании Юрия Визбора

Тема водных путей звучит в поэзии Визбора настолько часто, что его можно считать едва ли не самым «водным» автором в русской лирике. Опирается эта тема на обильные личные туристические и профессиональные (журналистика) впечатления поэта и включает поэтическое изображение самых разнообразных средств передвижения по воде. Лирический герой Визбора может «брести по колено в воде по разливам», кататься на водных лыжах, плавать на байдарке, на тральщике, на ледоколе, на подводной лодке, и т. д.

Указанная тема раскрывается в лирике поэта на разных уровнях. Во-первых, ее творческое воплощение сопровождается насыщенной метафоричностью, для Визбора вообще очень органичной. Поэт был принципиальным поборником метафорической речи в литературе (см. воспоминания А. Кузнецова, опубликованные в мемуарном сборнике «Просто Визбор», 2005); естественно, он распространял этот принцип и на стихи, в которых звучал мотив водных путей («Зимняя песня», «Спокойно, дружище, спокойно!..», «В горах дожди, в горах седое небо...»); с годами метафорическая образность Визбора становилась всё более сложной и эксклюзивной (с точки зрения конкретного лирического сюжета — например, в песне «Вересковый куст»). Во-вторых, во многих случаях связанные с водой сюжеты имеют у поэта иносказательно-аллегорический характер, причем нередко на этом построен не только некий локальный мотив или образ, но и весь лирический сюжет песни («Маленький радист», «Синий перекресток», «Белый пароходик»; последняя песня навеяна, по предположению докладчика, одноименной песней Вертинского, из которой заимствована лирическая ситуация: «белый пароходик» в море и мальчик на берегу). В-третьих, отдельные произведения Визбора на «водную» тему, сохраняя свою иносказательность, обретают более глубокое, лирико-философское звучание, являясь поэтическими размышлениями о сложности и парадоксальности человеческого бытия («Штили выметая облаками...», «Речка Нара»).

Об авторе:

КУЛАГИН Анатолий Валентинович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы ГАОУ ВПО «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт», Коломна; e-mail: litkaf@mail.ru

Л. С. Колганов
Акватические образы в экологическом эпосе
Игоря Шкляревского

Тема экологии становится главной темой поэзии и прозы XXI века. В этом ключе представляется актуальным проанализировать литературный жанр экологического эпоса, остро востребованный современными писателями. Традиции жанра экологического эпоса восходят к карело-финскому эпосу «Калевала» и средневековой поэме «Песнь о зубре» белорусского поэта Николая Гуссовского (1522). Проблема современной интерпретации жанра рассматривается нами на материале оригинального и переводного творчества Игоря Шкляревского.

Поскольку главной для Игоря Шкляревского является тема воды, его экологический эпос отличается обилием водных образов. Одна из его лучших книг так и называется — «Глаза воды» (1989). Внимание к водной теме выразилось и в его деятельности переводчика. Помимо замечательного перевода «Слова о Полку Игореве», перу Шкляревского принадлежит и уникальный перевод «Песни о зубре» Н. Гуссовского. Вот что пишет сам Шкляревский в эссе о «Песни о зубре»: «И сейчас весенние полесские болота кишат ужами, раками, рыбой, бобрами, выдрами, вечером стонут выпи, резко кричат цапли, плачут чибисы, скрипят коростели, сотнями взлетают и падают на воды утки, ходит ходуном трава — нерестится краснопёрка, а земля такая вязкая, что выдергиваешь ногу без сапога, ухватившись за ближний куст...» Многие описания воды у Н. Гуссовского в переводе Шкляревского могут сравниться с колдовскими описаниями полесских лесных болот и озер великого Адама Мицкевича, тоже уроженца Полесья.

В 1986 г. у Игоря Шкляревского вышла «Красная книга». В числе ее водных стихотворений — «Битва с тайменем», сопоставимая по художественной энергетике с романом Мелвилла «Моби Дик» об охоте на гигантского белого кита и повестью Хемингуэя «Старик и море» о поединке старого рыбака с огромной рыбой. Помимо битвы с тайменем, стихотворение вместило в себя еще множество глобальных общечеловеческих проблем и вещей.

Таким образом, почти всё творчество Игоря Шкляревского, книга за книгой, представляет собой создание единого экологического эпоса.

Об авторе:

КОЛГАНОВ Леонид Семенович, поэт, прозаик, эссеист, член Союза русскоязычных писателей Израиля, лауреат премии журнала «Юность» имени Анны Ахматовой (2013), Кирьят-Гат, Израиль; e-mail: francuz@012.net.il

А. И. Федута

«Здесь утопилася Ерастова невеста...»

Оппозиция пруд / река в цикле Б. Г. Херсонского

«Посвящается Карамзину»

В докладе анализируется цикл одесского поэта Бориса Херсонского «Посвящается Карамзину», представляющий собой, по всей вероятности, наиболее значительную интерпретацию «Бедной Лизы» в современной русской поэзии. В центре внимания — оппозиция пруд / река, текстовая динамика которой актуализирует многочисленные литературные, исторические и культурные аллюзии и реминисценции.

Об авторе:

ФЕДУТА Александр Иосифович, кандидат филологических наук, доцент Европейского гуманитарного университета, Вильнюс, Литва

А. И. Станкевич

Стихия воды в романе М. Шишкина «Записки Ларионова»

1. В романе М. Шишкина «Записки Ларионова» («Всех ожидает одна ночь», 1993), многократно закодированном, безусловно важнейшим является аква-код.

2. Образ водной стихии является важным структурообразующим элементом. Водная стихия представлена в романе амбивалентной: с одной стороны, дружественной, созидательной, с другой — опасной, разрушительной и даже почти inferнальной.

3. В романе нет ни одного персонажа, который бы не прошел «испытания водой». Во многих ситуациях вода выполняет функцию своеобразной инициационной среды. Так, жизненный путь протагониста романа А. Ларионова состоит из целого ряда отдельных фрагментов, и границей между ними практически всегда служит водное пространство.

4. Вода — важный пространственный маркер: почти все топосы, в которых протекает жизнь Ларионова, отмечены некоей ущербностью, корень которой — в разрушающей силе водной стихии.

5. В судьбе протагониста, как и других персонажей, одновременно реализуется несколько взаимоисключающих жизненных моделей: всю жизнь детерминированный обстоятельствами, умирающий в старости от водянки, Ларионов характеризует свой путь как заверченный цикл: «Стежок был невелик, и иголка вернулась к узелку».

5. Жизнь Ларионова — это частный случай бытия государства. Концепция личности экстраполируется до концепции истории. Важнейшие уз-

лы русской истории прочитываются через аква-код, маркированы идеей жизни на болоте (Петербург, Казань, военные поселения).

6. Российская история, по Шишкину, — продукт взаимодействия несовместимых исторических векторов. Трагизм российского пути в том, что рушится традиционная циклическая патриархальная модель, а попытка следовать европейскому прогрессу оказывается бессмысленной.

Об авторе:

СТАНКЕВИЧ Анна Ивановна, доктор филологии, ассоциированный профессор, заведующая кафедрой русистики и славистики Даугавпилсского университета, Даугавпилс, Латвия; e-mail: annastankevica@inbox.lv

В. Ю. Юхнович

«Город и водная среда» как культурная константа Старой Руссы

В настоящее время достаточно активно изучаются история понятия «культурное пространство», его содержание/наполнение, нынешнее бытование, возможности применения и изучения.

Если ограничить это понятие определенным локусом, например конкретным городом как объектом исследования, то одной из важнейших составляющих для изучения становятся его культурные константы. Мы определяем в общем виде культурную константу как *одну из значимых составляющих культурного пространства (от зарождения до оформившегося бытования) определенного локуса, которая является носителем основ локального самосознания.*

Представляемая исследовательская зарисовка являет собой описание/интерпретацию одной из важнейших культурных констант Старой Руссы — «город и водная среда» в рамках изучения старорусского культурного пространства.

Водная среда на протяжении всей истории Старой Руссы существенно влияла на судьбу города. Ей он обязан своим рождением (поселились здесь предки будущих рушан не только на слиянии двух рек, но еще и потому, что обнаружили на этом месте исход грунтовых вод, насыщенных солью).

Логика истории «выводит» город после его основания и постепенного освоения территории на необходимость общаться и торговать с соседями/партнерами — ближними и дальними.

С водной средой связано формирование городской территории. Естественно изливающиеся водно-соляные источники породили для рушан род занятия, получивший название солеварения: он стал для них ремеслом, профессией на долгие годы.

Водная среда естественным образом воплотилась в те значимые объекты Старой Руссы, которые принято называть достопримечательностями, то есть знаками, символизирующими город (в том числе и известный старорусский курорт).

Водная среда Старой Руссы — исток ее истории, колыбель ее рождения; это детство, юность и отрочество города, молодость и пора его первой зрелости. Да и нынешнее существование, и будущее без нее для рушан просто не представить...

Об авторе:

ЮХНОВИЧ Вячеслав Иванович, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Старая Русса; e-mail: slavayu@mail.ru

А. А. Смирнова

**Архитектурное решение стрелки рек Волга и Тверца в Твери
1930—1950-е годы**

История стрелки рек Волга и Тверца в 1930–1950-е гг. — характерный пример архитектурных и градостроительных решений советского правительства того времени.

Генеральные планы г. Твери 1920-1940х гг. Их влияние на дальнейшую судьбу города. Влияние строительства канала Москва-Волга им. И. В. Сталина на нынешний облик стрелки рек Волга и Тверца. Дмитлаг. Смена ценностных парадигм и специфика выбора места строительства вокзала как весьма характерное явление для того времени. Несоответствие имеющегося законодательства и реальной ситуации в сфере сохранения историко-культурного наследия.

Разрушение Тверского Успенского Отроча монастыря. Ход строительства речного вокзала. Нарушения, связанные со строительством как канала, так и Калининского речного вокзала. Трагическая судьба его создателей. Архитектурное решение речного вокзала.

Проект застройки левого берега Волги. Планы по переносу административного центра г. Калинина и строительству Дворца Советов. Влияние Великой Отечественной Войны на планы застройки. Трансформация проекта Дворца Советов и площади в период 1930–1940-х гг. Дальнейшая судьба проекта.

Сведения об авторе:

СМИРНОВА Александра Анатольевна, искусствовед, аспирант Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, Тверь; e-mail: alexandraskazka@gmail.com

А. Б. Перзек
Художественная философия водной стихии
в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник»

В последней поэме Пушкина на фоне яркого проявления основных природных стихий вода играет главенствующую роль, представляя в различных состояниях и заключая в себе несколько семантик. Она выступает в самом начале Вступления в значении космической мировой реки. Само течение реки символизирует вечный поток бытия.

Водная стихия предстает в образе одетой в гранит и обрамленной металлом ограды Невы как символ покорности воли демиурга. Вода в своем женственном значении определяет также лишь обозначенную поэтом фигуру Параши. В то же время потоп становится губителем девушки и еще многих людей. Так складывается диапазон семантики воды в пушкинском произведении, где мотив жизни соединяется с мотивами катастрофы и смерти.

В «Медном всаднике» в развитие его художественной концепции присутствует мотив бездны с семантикой потопа и образ дождя как компонент бури. Это состояние мира, в котором нарушено равновесие и на первый план выходит бунт водной стихии, становится в поэме активным началом и раскрывается Пушкиным не само по себе, а относительно героя, народа, власти.

Сюжет с потопом Пушкин использовал как художественную возможность для реализации в поэме грандиозного замысла. В его контексте находилось изображение воды в разных ипостасях в качестве основополагающего интегрального начала, лежащего в основе петербургского мироздания. Создание уникальной в русской литературе образной философии водной стихии явилось в последней пушкинской поэме ее неповторимым инструментарием, направленным на осмысление великим художником-мыслителем неоднозначности деяний Петра и судьбы России.

Об авторе:

ПЕРЗЕКЕ Андрей Борисович, доктор филологических наук, профессор центра инновационных образовательных технологий Псковского областного института повышения квалификации работников образования, Псков; e-mail: perzeke@rambler.ru

М. Ю. Перзек
Семантика топоса моря-океана
в «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина

Поскольку вода является одной из фундаментальных стихий мироздания, она всегда занимала особое место в человеческом сознании, найдя свое отражение в многочисленных мифах. В большинстве мифологических систем образ воды носит амбивалентный характер, представляя собой стихию как благодатную, объединяющую, так и разрушительную, разъединяющую, но всегда неизменно почитаемую.

Одну из основных ипостасей мифологемы воды представляет море-океан, занимающий важнейшее место в хронотопе пушкинской сказки. Однако поэтика и семантика этого творения Пушкина гораздо сложнее фольклорного инварианта. Поэт создал неповторимую авторскую модель мира, своеобразием которой в полной мере отмечен и топос моря-океана.

Именно авторское изображение позволяет детально передать острый драматизм плаванья матери и сына. И если в народной сказке акцент сделан на времени («долго плавали») и горизонтальной координате, то пространство пушкинского мироздания простирается и вширь, и ввысь. Параллельное движение бочки и тучи стирает границу между стихиями, море сливается с небом, время перетекает в вечность.

Согласно народным представлениям, «окиян-море» является воплощением всего чудесного и опасного одновременно. Кроме того, оно одушевленное. То же и в сказке Пушкина. Море здесь не только изобилует чудесами, но и по-настоящему живое, о чем свидетельствуют природные объекты: волна внимает царевичу; ветер «гуляет» и «весело шумит»; кораблик «бежит»; пушки «пристать велят». Внявши однажды просьбе Гвидона, море уже не выходит из резонанса со всем гармоничным космосом пушкинской сказки. Оно не шумит и не плещет, неся к острову корабли царя Салтана для встречи с сыном, способствуя в ряду прочих сказочных топосов утверждению приоритета семьи как высшей ценности для поэта в тот период его жизни и творчества.

Об авторе:

ПЕРЗЕКЕ Маргарита Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования Псковского областного института повышения квалификации работников образования, Псков; e-mail: silver-puh10@rambler.ru

С. А. Ларин

«Графин с водой» или «бульонные ванны»?

Искушения героя в повести В. Ф. Одоевского «Сильфида»

Издатель *записок благоразумного человека* в финале «Сильфиды», как известно, отказывается давать оценку происшедшему с главным героем и предлагает читателям самим разобраться в том, что случилось с Михаилом Платоновичем, присоединившись к какой-то из точек зрения, открыто озвученных в тексте. Можно (вслед за *опытным* и *ученым* доктором и другими *порядочными* людьми) признать героя *сумасшедшим*, но вовремя спасенным его *благоразумным* приятелем либо согласиться с самим Михаилом Платоновичем, обвинившим своего «спасителя» в *самолюбии* и отвращении от другой, лучшей жизни.

Однако целый ряд присутствующих в повести (и как будто случайных) мотивов не позволяет безоговорочно принять ни одну из названных позиций, и ключевым среди этих мотивов является «водный», связанный с главным «искушением» героя — «потусторонней» красавицей сильфидой, то ли порожденной больным воображением Михаила Платоновича, начитавшегося, по словам доктора, *всякого вздора* и поверившего в *сообщение с духами*, то ли возникшей вследствие нарушения определенных запретов, соблюдение которых не только обеспечивает сохранение физического существования и психического здоровья, но и гарантирует защиту от посягательства неподвластных простому человеку сил.

Воспользовавшись *хрустальной вазой с водой* как своеобразным порталом, сильфида приходит в «падший» человеческий мир не только (и не столько) для того, чтобы *соединиться с избранным* и предназначенным ей *существом* (мотив, который станет ключевым в «Орлахской крестьянке»), *дать* ему *познание* о *таинствах природы*, как обещали кабалистические книги. Она подчиняет разум и волю героя. Морок, который (подобно сиренам) наводит сильфида на Михаила Платоновича, совершенно лишает его способности трезво оценивать происходящее (одним из показателей чего является утрата героем иронического взгляда на жизнь, столь характерного для него в начале повести), влечет к неотвратимой гибели.

Не случайно появление этой «роковой» обнаженной красавицы происходит накануне свадьбы Михаила Платоновича и «совпадает» со временем (по-видимому, Великого) *поста*, а вода, которую регулярно пьет герой, чтобы *войти в сношение с элементарными духами* (и которая фактически становится для него приворотным зельем), будет названа *нечистой*. Так В. Ф. Одоевский предостерегает читателя, не позволяя ему подпасть под чары таинственной потусторонней обольстительницы.

Об авторе:

ЛАРИН Сергей Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», Воронеж; e-mail: larin-s@yandex.ru

В. В. Калмыкова

**Путь огня по воде, или мотив движения и границы
в лирике Афанасия Фета и Валерия Брюсова**

В статье В. В. Кожина «Место творчества Фета в отечественной культуре» (А. А. Фет. Поэт и мыслитель: сб. науч. тр. / ИМЛИ РАН; Академия Финляндии. М., 1999) прозвучала мысль, что «в лирике Фета <...> почти не воссоздаются какие-либо цельные „объекты“ художественного видения <...> В стихах Фета перед нами не воссозданы определенный природный „мир“, рельефные человеческие характеры <...>, значительные события. В лирике поэта воплощены, в сущности, только состояния и движения человеческого духа» (с. 8–9). В таком же символическом ключе решаются у Фета и образы природных стихий, в частности огня и воды.

Об образе огня у Фета можно сказать словами того же В. В. Кожина: «В его лирике царит как бы бесформенная стихия, огонь <...> Этот духовный огонь, то теплящийся спокойно и ровно, то превращающийся в мощное мятущееся пламя, и являет собой, если угодно, содержание лирики Фета» (с. 9). В известном смысле перед нами метафора человека, метафизического содержания личности. Тот же Кожин отмечает, что огонь у Фета «текуч», а это уже атрибут иной, водной стихии.

Меж тем образ воды у Фета не настолько ясен. В его поэзии постоянно встречается мотив движения по воде на лодке, в одиночестве или вместе с возлюбленной: стихотворения «Я люблю многое, близкое сердцу...», «За кормою струйки выются...», «Весеннее небо глядится...», «Уснуло озеро; безмолвен черный лес...», «На лодке» и др. Анализ произведений позволяет установить, что река (в отличие от моря, одушевленной буйной стихии) выступает в фетовской поэзии как художественное воплощение мотива границы, а путь по реке — как метафизическое движение из области реальности в область тайны, непознаваемого и непостижимого. В этом смысле река выступает как аналог сна, о чем писал М. В. Строганов в статье «Из комментария к стихотворению Фета „Давно ль под волшебные звуки...“» (А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества: сб. науч. тр. Курск: КГПУ, 1994).

Близкая идея становится основной и в стихотворении В. Я. Брюсова «Город вод». Его смысловая и образная структура особенно напоминает стихотворение Фета ««Я люблю многое, близкое сердцу...». У обоих по-

этов мотив тайны реализуется с помощью образа речной границы между двумя мирами.

Об авторе:

КАЛМЫКОВА Вера Владимировна, кандидат филологических наук, главный редактор издательства «Русский импульс», Москва; e-mail: vkalmykova67@mail.ru

Э. Шорэ

Волжское путешествие Р.-М. Рильке и Лу Андреас Саломе.

В гостях у С. Дрожжина

Первое путешествие в Россию Рильке и Саломе совершили в 1899 г.: Москва и Петербург. Маршрут второго путешествия, 1900 г.: Москва, Ясная Поляна, Тула, Киев, Кременчуг, Полтава, Харьков, Воронеж, Козлов, Саратов, Самара, Симбирск, Казань, Нижний Новгород, Ярославль, деревня Кресто-Богородское, Москва, деревня Низовка, Новгород Великий, Петербург. В той поездке путешественники дважды пользовались водным транспортом: вниз по Днепру и вверх по Волге.

Саломе и Рильке совершили только два литературных паломничества: к Толстому в Ясную Поляну и к Дрожжину в Низовку. Посещение Дрожжина предусматривалось при составлении маршрута путешествия. Зимой 1899—1900 гг. Рильке и Саломе часто встречаются с С. Н. Шиль, преподавательницей московских Пречистенских курсов, которая помогала им в изучении русского языка и литературы и познакомила с творчеством Дрожжина. Два стихотворения Дрожжина Рильке перевел и опубликовал в пражской немецкой газете «Prager Tageblatt» (1900). В стихах Дрожжина Рильке увидел «движение танцующих групп и дрожь балалайки» и связал поэзию Дрожжина с «временем былин и песен».

Когда Рильке и Саломе приехали в Низовку, Рильке записал в своем дневнике: «На Волге, на этом спокойно катящемся море быть дни и ночи, много дней и ночей. <...> Я словно воочию видел сотворение мира; смысл всего — в немногих словах, мера вещей — в руках Создателя». Здесь проявляется мифологическое мышление.

Дрожжин также отмечал в своем дневнике прогулки с Рильке и Саломе на Волгу: «Я повел их в мой садик, и отсюда мы пошли <...> на Волгу, где долго они стояли и любовались открывшейся со всех сторон картиной моей родины. Возвращаясь, мы нарвали в заливному лугу по букету полевых цветов и, дойдя до Тихвинской часовни, присели отдохнуть у ее родника, текущего через желоб, и осмотрели часовню, а от нее пошли лесом; по дороге Райнер Осипович попросил меня показать ему, на чем растет клюква. Тогда привел я их к болоту и указал на куст с этим растением;

осмотрев его, Рильке сорвал несколько веток и вложил их в свою памятную книжку». И, в отличие от Рильке, Дрожжин рисует конкретную картину всех водных ресурсов: Волга, родник у часовни, болото. Никакой мифологизации тут нет.

Об авторе:

ШОРЭ Элизабет, доктор философии, профессор университета г. Фрайбурга, Германия

С. Г. Кашарнова

Вода и библиотека в тверской усадьбе дворян Бельгардов

Доклад посвящен истории семьи тверских дворян Бельгардов, описанию имению Алексеевское (Бабино) на реке Вазузе, архитектурным загадкам Вазузского водохранилища и книжным находкам Научной библиотеки Тверского государственного университета.

Неподалеку от Зубцова, рядом с деревней Гнездилово, стоит удивительный архитектурный памятник, к сожалению почти полностью разрушенный. Загадочное строение привлекает внимание любознательных туристов и исследователей русской старины. История Гнездиловской часовни связана с семьей дворян Бельгардов, представители которой известны не только в Тверской области, но по всей России. Валериан Александрович Бельгард — офицер, герой Кавказской войны, был основателем имения Бабино (Алексеевское). Алексей Валерианович Бельгард, его сын, крупный чиновник, увлекался сельским хозяйством. На берегах Вазузы в имении Бельгардов процветало животноводство (разведение породистых зааненских коз). Сын Алексея Валериановича и Софьи Петровны Бельгардов трагически погиб в возрасте шести лет. Предполагается, что он утонул недалеко от того места, где сейчас стоит полуразрушенная часовня. Построили ее безутешные родители в память о сыне.

Имение Бельгардов не сохранилось. Только по архивным документам можно восстановить облик усадьбы. Книги из семейной библиотеки были слиты с книжным фондом дворян Квашниных-Самариных в селе Суховарово, а затем вывезены в Тверской музей. В начале 1930-х гг. по инициативе историка А. Н. Вершинского книги были переданы в библиотеку Калининского педагогического института (Научная библиотека Тверского государственного университета).

В настоящее время в фондах НБ ТвГУ выявлено четыре книги из усадьбы Алексеевское (Бабино), одна из которых — редкое и полиграфически ценное издание, которое появилось в библиотеке Бельгардов не случайно.

Об авторе:

КАШАРНОВА Светлана Геннадьевна, заведующая сектором отдела редких книг Научной библиотеки Тверского государственного университета, Тверь; e-mail: sgkash@mail.ru

С. А. Герасимова

Вода, реки и искусственные водные системы в боевых действиях в период Калининской оборонительной операции 10 октября — 4 декабря 1941 года

Водное богатство Тверской (бывшей Калининской) области, насыщенность реками, озерами, болотами, наличие природных и искусственных водных систем сыграли определенную роль в военных действиях 1941–1943 гг. на ее территории.

Так, известны несколько эпизодов Калининской оборонительной операции 10 октября — 4 декабря 1941 г., в которых советское командование использовало воды региональных водохранилищ и рек в качестве взрывчатого средства, например взрыв бейшлота на Волге. В то же время, спущенная в результате этого взрыва вода не позволила советским войскам переправиться через Волгу в районе Акишева 16–17 октября 1941 г., что, в свою очередь, помешало обороне Калинина.

В это же время планировался спуск воды из Вышневолоцкого водохранилища для того, чтобы помешать продвижению группировки вермахта к Торжку.

В 20-х числах ноября 1941 г. был осуществлен спуск воды из Ивановского водохранилища и затопление пойм рек Сестры и Яхромы, что привело к созданию озера от города Яхромы до Ивановского водохранилища. Это затруднило действия немецких войск севернее Москвы.

Об авторе:

ГЕРАСИМОВА Светлана Александровна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник ГБУК «Тверской государственный объединенный музей», Тверь; e-mail: s_a_gerasimova@mail.ru

Д. К. Первых

Черная речка как памятник истории*

Река Черная — самая западная река Крыма, вторая по наполняемости после Бельбека. Исток находится на юго-востоке от Севастополя в Байдарской долине. Длина реки 1 км, площадь бассейна 436 км², среднегодовой расход воды 1,94 м³/с. Как и все крымские реки, Черная бывает разной в

зависимости от времени года и погодных условий. По максимальным показателям расхода воды река Черная самая полноводная в Крыму — 160 м³/с (для сравнения: в Бельбеке 129 м³/с, в Каче 133 м³/с, в Альме 114 м³/с). Памятником природы является Чернореченский каньон, где около 16 км Черная протекает в извилистом ущелье, сдавленная скалами. Далее русло Черной выходит на равнину и заканчивает свой путь в Инкерманской бухте Севастополя.

Во время Крымской войны (1853–1855) река Черная приобрела стратегическое значение. 4 (16) августа 1855 г. в Байдарской долине произошло последнее масштабное полевое сражение Крымской войны — Чернореченское. Русские войска под командованием кн. А. М. Горчакова нанесли лобовой удар по армии противника, который занимал выгодные позиции на Федюхиных высотах, склонами обращенных к Черной реке. В этом месте долина хорошо просматривалась и наступающие были отчетливо видны. В результате кровопролитного боя русским удалось частично занять Федюхины высоты, но господствующие высоты оставались в руках союзников. Русским войскам, потерявшим более восьми тысяч человек (из них две тысячи убитыми), пришлось отступить. Союзная армия лишилась двух тысяч бойцов. Река Черная проходила разделительной линией между противниками и стала непреодолимой преградой. О Чернореченском сражении сложена солдатская песня, авторство которой приписывают участвовавшему в битве Л. Н. Толстому: «На Федюхины высоты / Нас пришло всего две роты, / А пошли полки...»

В чем же состояла трудность форсирования реки Черной? И как сегодня выглядит место боя? По воспоминаниям участников сражения (Н. Берга, Ш. Боше, А. Луазьона), свидетельствам военного инженера генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена, сложность пересечения реки заключалась в том, что в месте сражения она была довольно широкой и илистой, а потому переправа оказалась довольно сложной. В 1850-е гг. в этом месте реки находился Трактирный мост, перейти через который и планировали русские войска, но бой завязался раньше, мост простреливался со всех сторон, и переходить реку пришлось вброд.

Сейчас на месте боя возвышается обелиск памяти погибших в Чернореченском сражении. Пойма реки на этом месте заболочена и достигает 30 м в ширину. Характерно, что, пройдя около 100 м по течению, реку можно перейти вполне легко... Через несколько сотен метров Черную пересекает еще один мост, акведук, который сохранился до наших дней.

*Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-34-10100.

Об авторе:

ПЕРВЫХ Диана Константиновна, кандидат культурологии, ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Крым; e-mail: dianavasileva@yandex.ru

С. И. Михайлова

Храм-памятник погибшим морякам Спас-на-Водах

Храм-памятник морякам, погибшим в боях русско-японской войны 1904-1905 гг., был построен на берегу Невы в 1911 г. на пожертвования, собранные специальным Комитетом. Свое народное название Спас-на-Водах он получил в честь мозаики, расположенной в алтаре, — «Спаситель, шествующий по водам». Храм был взорван в 1932 г., а от его знаменитой мозаики чудом сохранился только лик Спасителя. Созданная в 1990 г. Общественная организация «Санкт-Петербургский комитет восстановления храма Спаса-на-Водах» добивается восстановления святыни.

Об авторе

МИХАЙЛОВА Светлана Игоревна, преподаватель кафедры искусствоведения, аспирант ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры», Москва; e-mail: na.svet@mail.ru

Л. С. Соболева

Река в архитектонике агиографических текстов: географическая реальность и христианская семантика

Тема водной стихии в художественном осмыслении характерна для всех цивилизаций и с различной семантикой воплощается в историческом времени и географическом пространстве. Признание этого требует более локального исследования этно-национального и историко-хронологического характера.

Обращение к топосу реки в житиях совмещает задачи создания эффекта достоверности и привязки жизни святого к конкретной местности, что особенно важно для тех святых, жизнь которых протекала не в глубоко укорененных поселениях с долговременными названиями, а в пустынных местах. Гидронимы, как известно, имеют более долгий срок использования и сохранения в общей памяти. Патронирование святыми конкретной местности — условие появления новых персонажей в агиосфере и залог их популярности в народной среде. Вторым (а по значимости, вероятно, первым) является многослойная семантическая нагрузка, присущая топосу

воды (в нашем случае реки) в христианской символической культуре. Для древнерусской традиции, особенно в начале ее развития, характерно, что христианский смысл вырастал из языческой символики воды, ритуальное почитание которой славянами отмечали античные авторы, а в ряде случаев противостоял ей. Пограничное значение реки Днепр прочитывается в истории с Кием, о котором «инии же, не сведуще, рекоша», что он был не князь, а «перевозник» и, вероятно, выполнял функцию Харона, отправляя души умерших к предкам. Возможность обращения и связи с предками, их покровительство предопределяло успех правителя, выражаясь в присущей последнему мудрости и пророческого дара. В первых христианских агиографических текстах, посвященных Борису и Глебу, оба убийства происходят на реке. Бориса убивают на Альте (вариант названия — Лыта), причем святой демонстративно отказывается от воинского поведения, фактически от идеала воинской доблести, предпочитая идеал кротости и послушания. Река становится свидетелем злодеяния, и воззвание Ярослава к Богу о мести, а затем битва происходит на том же берегу реки. Второе убийство происходящее на устье Смядыни (в ладье) восходит к ритуальному жертвоприношению реке, что подчеркивается выбором исполнителя (повар по имени Търчин) и словами из молитвы Глеба «се несть убийство, но сырорезание», где преступлению убийства противопоставляется принесение младенческой жертвы, более недопустимое для христианина. Поведение Глеба преобразует жертву невольную в вольную, князь погибает, «яко агня непорочно и безлобиво», уподобляясь жертвенности сына Божия.

Река, будучи неотъемлемой частью русского ландшафта, выполняя коммуникативную функцию и играя роль уже не столько границы между своим и чужим, сколько жизненесущей инстанции, входит в житие как часть сакрального пространства основанного монастыря, кельи или храма (жития Сергия Радонежского, Стефана Пермского, Трифона Вятского, Симеона Верхотурского, Серафима Саровского, и пр.). Освоение северных и восточных территорий в XV—XVII вв. сопровождается обращением к топосу реки, которая либо помогает святому найти место для строительства, либо участвует в совершаемых чудесах, либо оказывается естественным препятствием, для преодоления которого востребовано благоверие святости. Так многогранно проявляется образ реки, например, в Житии Трифона Вятского, а «приплытие» по реке в Тобольск митрополита Иоанна Максимова (канонизация состоялась в 1916 г.) подчеркнуло связь различных «украин» Российского православного государства в начале XVIII в. (Иоанн прибыл из Киева). Актуализируется и образ вольной жертвы в эпизоде гибели Ермака, подчеркнутое в Синодике Киприана. И хотя официальная канонизация эпического героя не состоялась, в народном почитании он воспринимался как патрон завоеванных земель.

Таким образом, топос реки, организуя повествование, вносит в жития важнейшие смыслы единения во времени и в пространстве, вечности и

быстротекущей жизни, пути к спасению и преодоления мирских соблазнов.

Об авторе:

СОБОЛЕВА Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой фольклора и древней литературы Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург; e-mail: l.s.soboleva@mail.ru

А. Ф. Белоусов

Идея и проекты водного пути из Балтийского в Черное море

1. Западная Двина на «пути из варяг в греки». Выход в Балтийское море.
2. Первые проекты соединения Западной Двины и Днепра.
3. Березинская водная система.
4. Проекты глубоководного пути Рига – Херсон. «Канал императора Николая II»
5. Возрождение идеи соединения Западной Двины и Днепра в начале XXI века. Общество «Новый шёлковый путь».

Об авторе:

БЕЛОУСОВ Александр Федорович, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербург; e-mail: afbelousov46@yandex.ru

М. В. Тулузакова

Природные и искусственные водные системы как фактор развития города (на примере Балаково Саратовской области)

Город Балаково находится на территории Саратовской области, к северо-востоку от Саратова на расстоянии 176 км. Город был основан в 1762 г., хотя некоторые документы, датированные 1738 г., утверждают о существовании казачьего лугового владения Балаков юрт.

Удобное расположение на судоходных путях помогло селу Балаково быстро вырасти за счет торговли пшеницей. С развитием хлебной торговли рос грузооборот пристаней, увеличивался флот грузовых и пассажирских судов. Для их ремонта создавалась и судоремонтная промышленность.

В период с 1956 по 1971 г. в Балаково строилась Саратовская ГЭС, что привело к разливу Волги, затоплению части прибрежной территории и изменению облика современного города, а также его резкому росту, свя-

занному с получением необходимой электроэнергии. В сжатые сроки был создан балаковский индустриальный комплекс, насчитывающий более двух десятков предприятий химии, машиностроения, энергетики, строительной индустрии, пищевой промышленности.

Балаково — компактный город, и это одно из главных его преимуществ. На сравнительно небольшую площадь города приходится несколько водоемов. Помимо естественных водоемов: Волги, рек Балаковки, Сазанлейки, озера Линево, в городе есть и рукотворные: судоходный и оросительный каналы, больничные пруды, залив 1 м-на и Саратовское водохранилище. Куда ни глянь — вода. Совсем рядом, у самых жилых массивов. Именно поэтому Балаково и называют Волжской Венецией. Это название для города не случайно. Если задаться целью, в городе можно насчитать и обустроить более десяти различных набережных.

Город Балаково — не просто набор отвлеченных красот и достопримечательностей. Это реальная среда обитания для нас, его жителей. Среда, воздействующая на нас повседневно, определяющая наше физическое и психическое здоровье, нашу жизнь.

Особый интерес в связи с этим вызывают две проблемы. Превая — это экологическая оценка искусственного водоема — пруда-охладителя БАЭС, который находится на берегу Волги. В непосредственной близости от него расположены пос. Натальино, дачные участки, сельскохозяйственные угодья, пастбища. В нем разводят рыбу. Близость водоема-охладителя и Саратовского водохранилища вызывает беспокойство у населения из-за возможности загрязнения среды радионуклидами. Вторая — проблема благоустройства берегов и возможности создания полноценных рекреационных зон для горожан и гостей города.

Об авторе:

ТУЛУЗАКОВА Марина Валентиновна, доктор социологических наук, заведующая кафедрой менеджмента и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Российская Академия народного хозяйства и государственной службы», Балаково; e-mail: tuluzakova@gmail

Л. Ю. Зорина

**Река Режа как системообразующий фактор жизни
в Сямженском районе Вологодской области***

Русло протяженностью всего в 27 км — это река *Режа*, протекающая в северо-восточной части Сямженского района Вологодской области. Так же, т. е. *Режей*, называется местность, расположенная по берегам этой реки. В этом видится обычный метонимический перенос названия с гидрообъекта на территорию поселения. В исторических источниках Режа и ее

центр, д. Монастырская, упоминаются с XVI в. Жителей местности по течению реки в 1980-е гг., т. е. к началу наших наблюдений, называли *режаками* или *режичами*. Здесь проживало около 6 тысяч человек. В настоящее время в поселении постоянно проживает чуть более 440 человек, что составляет 7,3 % от бывшего населения местности (сравнение ведется с 1980-ми гг.) и 5 % от общей численности современного населения Сямженского района.

Режское поселение прежде находилось на окраине Тотемского уезда Вологодской губернии. Это действительно было очень удаленное от районных и областного центров место, самая настоящая российская глубинка. Местность характеризовалась особым, своеобразным говором жителей. Этот говор, к вящей нашей радости, не оказался утраченным, потому что он в течение нескольких десятилетий (с 1983 г.) систематически фиксировался диалектологами Вологодского государственного университета. В настоящее время ими составляются сборник записанных текстов, словарь диалектных слов и фразеологических оборотов, подготавливаются статьи по характеристике этнолингвистических особенностей местности.

В докладе будут проанализированы представления о реке Реже, отразившиеся в сознании и словаре жителей названной местности.

* Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома» (проект № 15-04-00205/15).

Об авторе:

ЗОРИНА Людмила Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», Вологда; e-mail: lyudmila.zorina@gmail.com

И. А. Дворецкая

**Образы водной стихии в художественном мире Игоря Чиннова:
река и море**

Как неотъемлемая часть мироздания водная стихия присутствует в художественном мире Игоря Чиннова и связана с важнейшими, основополагающими категориями.

По статистическим показателям и семантической нагруженности доминируют образы реки и моря. Именно эти два элемента водной парадигмы связаны с универсальной категорией художественного мира Чиннова – пограничностью. Граница является важнейшим хронотопом чинновской лирики, изображающей мир на грани между бытием и небытием, неустой-

чивый, неопределенный, легкопроницаемый, и общее местоположение человека – на границе, «у края бездны», «над бездной».

Река представляет темпоральный аспект пограничности. Течение реки, вообще, движение воды соотносится с неуловимым ходом времени. Отсюда – частотность метафоры, восходящей к Державину, река Времен, а также частотность Леты, реки забвения, пограничной реки между царством живых и мертвых. Вообще, Лета – самый частотный из всех гидронимов в лирике Чиннова.

Море демонстрирует пространственно-онтологический аспект. Если семантику пограничности актуализирует побережье, представляя модельную для всего художественного мира Чиннова ситуацию: лирический герой всегда в неопределенном положении, на краю бездны; то само море – пространство онтологии, последних, фундаментальных вопросов бытия. Морское пространство ярче всего демонстрирует полноту универсума, слияние основополагающих онтологических антиномий: во-первых, пространственных – верха и низа, что выражается в соединении мотивов неба и моря, которое возвращает к библейской праоснове – второму дню творения; во-вторых, темпоральных – времени и вечности, бессмертия и небытия. В этом плане семантика моря и реки различна. Река, связанная с течением времени, подчеркивает одновекторность этого движения – устремленность к небытию, тогда как море (и в этом также проявляется его универсальная всенаполненность) обладает разновекторностью – возможностью обратного хода. У Чиннова образ моря амбивалентен. Оно может напоминать о бренности всего сущего, его недолговечности, но может и дарить надежду. Особенно ярко эта амбивалентность и связь моря с глубинными, сокровенными смыслами проявляется в образе Балтийского моря, которое обладает особой маркированностью в художественном мире Чиннова. Оно связано с представлениями о чем-то исконном, основополагающем, это пространство, где решается онтологический спор, сходятся универсальные антитезы – память и забвение, безмятежность детства и трагедия «вечной потери» («Я все еще помню Балтийское море»).

Об авторе:

ДВОРЕЦКАЯ Инна Андреевна, доктор филологии, доцент кафедры русистики и славистики Даугавпилсского университета, Даугавпилс, Латвия; e-mail: inna.dvorecka@du.lv

А. В. Белова

Вода в культурфилософии Ф. Хундертвассера

В культурфилософии австрийского архитектора Фриденсрайха Хундертвассера (1928–2000) концепт «вода» воплощает одну из значимых ценностей, важных в том числе и с точки зрения конструирования им собственного мифообраза (псевдоним «сто вод»). Автор, по его признанию, «вступил в конфликт с обществом, которое полностью не понимает» его, не принимает его «естественной формы самовыражения» («Хундертвассер о Хундертвассере», 1975).

Творческая реализация и теоретическое осмысление «природности» культуры, «экологичности» цивилизации подразумевали первозданность и незыблемость водной стихии в любых проявлениях без обращения ее человеком в исключительно потребляемые водные ресурсы: «Ручей, река, топь, прибрежные болота как они есть, в том виде, как Бог сотворил их, должны быть священны и неприкосновенны для нас» («В природе нет изъянов. Есть только изъяны человека», 1990). Выступая против искусственной регуляции водных потоков, «исправления», приводящего «только к пагубным последствиям, которые, в конце концов, дорого стоят: обмеление рек,.. отсутствие регенерации воды из-за того, что она слишком быстро уходит», Ф. Хундертвассер предостерегал от большей разрушительности неминуемых вследствие этого наводнений и неизбежной компенсации изъянов рационального вмешательства: «...течения рек и ручьев, которые были спрямлены в бетонных каналах, ликвидируются для того, чтобы восстановить их прежнее произвольное, естественное состояние» («В природе нет изъянов. Есть только изъяны человека», 1990).

Защита авторских прав мироздания («Мироздание обладает авторскими правами», 1999) сочеталась в его архитектурной деятельности с реорганизацией жизненного пространства повседневности, в том числе ванных комнат, в которых «уставший от цивилизации и угрюмый от своей рациональности человек» не только «снимает свою одежду», но и «хочет смыть следы дневного дискомфорта от прямой линии и прямого угла» («Дом Хундертвассера. Ванные комнаты», 1985). И хотя архитектор утверждал: «То, что я сделал, должно говорить само за себя, а не я сам собственной персоной» («Речь на церемонии торжественного открытия общественного туалета в Кавакаве», 1999), его теоретические положения заслуживают не меньшего внимания для интерпретации того, что П. Рестани назвал «другой стороной искусства» XX века, развивавшейся параллельно классической истории искусства (Restany P. *Die Macht der Kunst. Hundertwasser. Der Maler-König mit den fünf Häuten*. Köln, 2001. S. 7).

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета, член редколлегии научного журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История», член Правления Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), Тверь; e-mail: belova_tver@rambler.ru

Л. А. Орехова

**Водные ресурсы в концепции хозяйственных перспектив
Крыма: по материалам экспедиции А. Демидова в 1837 году***

Экспедиция А. Демидова в ряду этнографических, исторических и статистических исследований Крыма, «края малоизвестного, но крайне любопытного по своему прошедшему и будущему», гидрологических задач не ставила, но наблюдения на этот счет так или иначе велись — в стремлении «иметь верное понятие о естественных произведениях этого края» и его стратегическом потенциале. Так, населенные пункты и районы описаны в материалах экспедиции с точки зрения водоснабжения (река, артезианские колодцы), содержится информация о планах губернского начальства в отношении проектируемых колодцев, что особенно важно для «знойных», «бесплодных» равнин северного и восточного Крыма (изучается даже технология сверления артезианского колодца в Евпатории).

Южный берег, Байдарская, Бельбекская, Салгирская долины настолько успешно развивались благодаря рекам, образованным водами карстовых источников, что эти районы напомнили участникам экспедиции «о самых прекрасных и наилучшим образом возделанных странах западной Европы», а некоторые поместья имели «много схожего с поместьями во Франции».

Не обойдены исследовательским вниманием солевые заливы Сиваша (Сивача), а также Сакские озера: «Жирные глиносодержащие грязи, составляющие дно этих озер», «оказывают пособие во многих болезнях».

Важнейшее значение для Крыма имели гавани: безветренная и безопасная Балаклавская гавань; Керченская гавань, чрезвычайно значимая «по причине своего благоприятного положения близ пролива»; менее удобные Феодосийская и Евпаторийская гавани, сложная в навигации гавань Ялтинская (Ялтская), которая «может, скорее, назваться украшением, нежели гаванью». Восхищение вызывает «прекраснейшая гавань, какую только можно себе представить», — Севастопольская: «В целой Европе мало найдется гаваней, представляющих столь много удобств для многочисленного флота». Она интенсивно обустроивается: создано пять доков («в трех чинятся линейные корабли, а в двух остальных фрегаты»); для их наполнения

используются воды реки Черной, отведенной в новое русло («на осьмнадцать верст»), высеченное вручную в утесе: «Здесь она течет частью в подземном тоннеле (130 м), частью по водопроводу и, наконец, падает в устроенные для починки кораблей бассейны <...>. так, что в них удобно будет входить самым большим двадцатипушечным кораблям и фрегатам», — 15 месяцев велись «работы истинно великие».

В видении участников экспедиции будущее Крыма связано с Черноморским флотом, развитием городов и образования, поддержкой овцеводства и местных промыслов (по итогам Симферопольской выставки 1837 г.), с разведением «прекрасных виноградников»: Крым уже «сделался садом», «в котором взор на каждом шагу встречает <...> цветы и плоды».

* Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-34-10100.

Об авторе:

ОРЕХОВА Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Крым; e-mail: la.orehova@gmail.com

А. А. Охременко

Бахчисарайская река Чурук-Су:

«пучина вод» и что мы о ней знаем*

Чурук-Су (Чуруксу, Чюрюк-Су, Джурук-Су, Сурук-Су) — река в Крыму, правый приток Качи. Название с крымскотатарского переводится как «гнилая, грязная вода». В XVI в. в долине Чурук-Су был построен город Бахчисарай. В литературоведении о реке заговорили в связи с поэмой А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», связывая Чурук-Су с «пучиной вод», в которую была «опущена» Зарема. Например, у В. А. Кошелева находим: «Где эти „стражи“ отыскивали в Бахчисарае „пучину вод“? Единственный водоем там — ручей Джурук-Су („Зловонная вода“), который был ручейком и в пушкинские времена...» А из предположения М. А. Новиковой о том, что хан Гирей за 6 лет правления благоустроил столицу ханства, в том числе «очистил городскую реку Чюрюк-Су („Гнилая вода“)), следует, что река вполне могла быть той самой «пучиной».

Мнения современников Пушкина на этот счет были сходны: и В. Н. Олин в статье «Критический взгляд на „Бахчисарайский фонтан“, соч. А. Пушкина» (1824), и Б. М. Федоров в «Письмах в Тамбов о новостях русской словесности» (1824) писали, что Зарема была «брошена в море». В 1934 г. была поставлена хореографическая поэма «Бахчисарайский фон-

тан». Автор либретто, Николай Волков, ушел от спорного вопроса: в финале Зарема была сброшена стражей хана в пропасть.

В докладе приводятся впечатления путешественников XVII–XIX вв. о посещении Бахчисарая и реки Чурук-Су; данные современных путеводителей по Бахчисараю, в которых вопрос о месте казни Заремы не затрагивается, а река упоминается как важная водная артерия города; привлекаются географические и исторические сведения о Чурук-Су, а также о системе водоснабжения Бахчисарая.

* Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-34-10100.

Об авторе:

ОХРЕМЕНКО Александра Александровна, аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Крым; e-mail: alexandra9@mail.ru

К. О. Димони

Водные пути сообщения в жизни Вологодской губернии второй половины XIX — начала XX века

В докладе будет предложен комплексный анализ водных путей сообщения территории Европейского Севера России на фоне состояния транспортной системы второй половины XIX – начала XX в. Водные пути сообщения были наиболее используемыми и востребованными путями сообщения в транспортной системе того времени. Природные условия Вологодской губернии с ее разветвленной речной сетью делали данный регион территорией с наибольшей протяженностью речных путей, при этом сухопутное сообщение было одним из самых слабо развитых в Российской империи.

Будут представлены основные направления водных грузо- и пассажироперевозок, дан анализ длины и протяженности основных водных артерий, динамики развития водных путей сообщения в связи с проходящей в это время модернизацией их инфраструктуры.

Доклад строится на материалах статистики (Статистический временник Российской империи [1], Памятная книжка Вологодской губернии [2]) и источниках личного происхождения (путевых дневниках и воспоминаниях участников экспедиций и путешественников: Ф. А. Арсеньева [3], князя Е. В. Львова [4] и др.), добавляющих докладу не столько экспрессию и субъективное мнение авторов, сколько факты, не попавшие по тем или иным причинам в официальную статистику.

Список литературы

1. Статистический временник Российской империи. Вып. 2. СПб., 1872.
2. Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 г. Вологда, 1863.
3. *Арсеньев Ф. А.* От Шексны до Кубенского озера: путевые очерки. [Б.м., б.г.]. 48 с. Оттиск из журн. «Древняя и новая Россия» за 1878 г.
4. *Львов Е.* По Студеному морю. Поездка на Север. М., 1895.

Об авторе:

ДИМОНИ Кирилл Олегович, аспирант кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета, Вологда; e-mail: feodosypriest@gmail.com

В. А. Верушкина

Водные объекты и переправы в тверской ойконимии: культурное содержание

Многие качества, свойства и различия водоемов Тверского края сначала вошли в географическую терминологию, а через нее — и в местную ойконимию. Культурное содержание таких ойконимов можно понять лишь анализируя водоем и ландшафт как единую и сложную систему и наслаивая на этот анализ события и явления историко-культурного порядка, касающиеся конкретного селения, его обитателей, их хозяйственных занятий, социальной жизни и внешних контактов.

Эти ойконимы могут подкреплять известные факты и дадут новую информацию о традиционных местах волоков и переправ, которыми люди пользовались на Великом водоразделе издревле, по ним можно узнать, где проходили дороги, ныне утратившие свое прежнее значение, но важные в историческом прошлом. Название фиксировало самую сильную на время основания селения содержательную мотивацию. Отгидронимные названия были ориентирными, заключали в себе смысловой гидрографический сигнал для путешественников, фиксируя положение селений в истоках и верховьях рек и ручьев, у волока, у переправы на том или ином участке течения, у входа в устье притока, на побережьях озер.

Об авторе:

ВЕРУШКИНА Вера Александровна, доцент филиала ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры» в г. Твери, Тверь, e-mail: verver5@mail.ru

Н. В. Середа

Вышневолоцкая водная система в контексте локальной истории

Проблемы функционирования водных путей России неоднократно были предметом анализа историков, в том числе их внимание привлекал и наиболее важный участок на пути следования грузов в Петербург — Вышневолоцкая водная система. В условиях современной историографической ситуации имеет смысл проанализировать некоторые из работ, затрагивающих вопросы деятельности этого участка водной транспортной системы страны. В отечественной исторической науке происходят качественные изменения: ученые активно мыслят в рамках исторической антропологии, локальной истории, истории повседневности, исторической компаративистики и других новейших направлений, и это позволяет по-новому посмотреть на имеющиеся достижения в области изучения истории Вышнего Волочка, транспорта, увидеть перспективы и возможные пути дальнейших исследований Вышневолоцкой водной системы в рамках этих новых направлений исторической науки. Кроме того, необходимо акцентировать внимание на вопросе о том, что значение Вышневолоцкой водной системы выходит далеко за рамки истории одного города и даже за рамки истории Тверского края, историю этого явления можно и нужно рассматривать в контексте более крупных проблем: транспорт и его обслуживание, локальные сообщества и развитие экономики и др., а также в рамках истории России в целом.

Вышневолоцкий водный путь был системообразующим фактором развития социокультурного пространства всего Северо-Запада России, не говоря уже о его важнейшем значении для Тверского региона. Его функционирование накладывало отпечаток на все стороны жизни: трансформировало среду обитания обширного пространства, обеспечивало благосостояние огромных слоев населения и представителей всех сословий, служило средством формирования коммуникативных связей между населением различных населенных пунктов Северо-Запада, а также Северо-Запада с другими регионами России и даже подталкивало к заключению взаимовыгодных династических браков. По сути, Вышневолоцкая система формировала всероссийский экономический рынок, с одной стороны, и местные локальные сообщества — с другой. Эту величайшую роль Вышневолоцкой системы, на новом этапе развития истории, с новым подходом к исследованию источников, можно и нужно понять по-новому и более глубоко. Для этого необходимо осуществить планомерное, продуманное и последовательное изучение комплексов массовой управленческой документации, а также других видов источников на основе масштабного и комплексного исследования документов государственных архивов субъектов Федерации, расположенных вдоль великого водного пути, а также ряда федеральных архивов. Для этой работы имеет смысл соединить силы не только гумани-

тариев (историков, филологов), но географов и даже программистов. Привлечение возможностей электронной техники, на мой взгляд, совершенно необходимо, иначе освоение источниковой базы может затянуться на десятилетия.

Об авторе:

СЕРЕДА Надежда Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры архивоведения, историографии и документоведения ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь; e-mail: nv.sereda@yandex.ru

В. В. Цыков

Торжок и Тверца: путь длиной в тысячелетие

Тверца — сравнительно небольшая река, которую можно найти не на каждой карте, но значение ее для истории Российского государства трудно переоценить. Исток реки — в Вышнем Волочке, устье — в Твери, а практически в середине ее течения тысячу лет назад расположился Торжок. Тверца является важным отрезком Великого торгового пути, соединяющего Балтийское и Каспийское моря. Многие столетия она была для Торжка кормилицей и путем, по которому приходили враги, благословением и проклятием. Благодаря интенсивному использованию данного водного маршрута Торжок активно развивался экономически: новоторжские купцы заявляют о себе в Новгороде, Колывани (Таллинне), Скандинавии, Волжской Булгарии.

Вышневолоцкая водная система является одной из старейших, если не старейшей водной системой нашей страны. С ней связано и проникновение славян в Верхневолжье, и начало его христианизации благодаря миссионерской деятельности Ефрема Новоторжского, тысячелетие прибытия которого в Торжок отмечается в этом году.

Но водный путь по Тверце был не только путем торговых гостей и смиренных монахов, но и дорогой военных экспедиций. История Торжка пронизана чередой захватов и сожжений, которые были связаны именно с ключевым положением города по отношению к Новгороду, обусловленным ролью Тверцы в снабжении северной республики. Именно по этой реке Новгород вел оживленную торговлю с «низовыми» землями. Тверца была главной артерией, питавшей новгородцев хлебом. Например, ростово-суздальский князь Всеволод, предпринявший в 1182 г. поход на Новгород, в первую очередь захватил Торжок как важный форпост новгородской торговли. Роль Тверцы еще более возрастает после 1270 г., когда Новгород заключает свой первый договор с Ганзой, союзом немецких торговых го-

родов. С этого времени западные товары начинают широко проникать в Среднее и Нижнее Поволжье.

Не уменьшается, а даже возрастает роль Тверцы в новое время. Возникшая на берегах Балтики новая столица Санкт-Петербург нуждалась в подвозе многих видов сырья и товаров, но в первую очередь, как и в прошлом Новгородская республика, — в подвозе хлеба. Для более интенсивного использования водного пути в начале XVIII в. на нем проводятся самые масштабные за всю его историю работы (преобразования, пусть и не очень значительные долины Тверцы и Мсты происходило на протяжении столетий). Прорывается канал, соединивший Тверцу и Мсту, открывается первый Тверецкий шлюз, создается подпорное водохранилище и рождается уже в полном смысле Вышневолоцкая водная система.

Об авторе:

ЦЫКОВ Валерий Валерьевич, магистр истории, заведующий научно-исследовательским отделом ФГБУК «Всероссийский историко-этнографический музей», Торжок; e-mail: giperborea05@mail.ru

О. Л. Францев

Экологические проблемы Волги на территории Тверского края: прошлое и настоящее

В центре внимания исследования — экологические проблемы, связанные с рекой Волгой и ее притоками на территории Тверского края. В настоящее время, когда наша страна вступила на новый путь развития, представляется важным изучение хозяйственной деятельности предшествующих правящих структур и социальных систем на водную экологию. Нас интересуют вопросы, какие виды хозяйственной деятельности имели пагубное влияние на Волгу и ее притоки, как они видоизменялись с течением времени, какие меры предпринимались правительством и местными администрациями для их преодоления, какой успех они имели. Мы принимаем во внимание и роль общественности в борьбе за чистоту реки.

Экологические проблемы, связанные с Волгой, ее обмеление ввиду чрезмерной вырубке лесов, были осознаны как проблемы еще в середине XIX в., однако каких бы то ни было значительных изменений до начала XX в. не произошло.

Период после Октябрьской революции 1917 г. и до 1950-х гг. характеризовался активным развитием промышленности, строительством водохранилищ и многократным увеличением нагрузки на Волгу и прочие водные ресурсы Тверского края, что привело к появлению новых негативных факторов, и эти проблемы не получили должного разрешения.

В 1960-х — первой половине 1980-х гг., при сохранении ряда негативных факторов, произошли и положительные сдвиги в развитии природоохранных систем и защиты водных ресурсов. В этот период выросла роль общественности в деле освещения экологических проблем, связанных с реками Тверского края.

Годы перестройки ознаменовались массовым движением как местной, так и общероссийской общественности, началом широких дискуссий и публикаций о проблемах Волги. Это движение носило односторонний характер и быстро прекратило свое существование после развала Союза.

1990-е гг. ознаменовались появлением новых факторов, ухудшивших экологию Волги, деградацией прежних институтов, осуществлявших защиту Волги, а также резким падением роли общественности.

Об авторе:

ФРАНЦЕВ Олег Леонидович, бакалавр истории, научный сотрудник Всероссийского историко-этнографического музея, Торжок

Д. С. Докучаев

**Региональная идентичность в Ивановской области:
дискурс Волги в конструировании образа территории***

Образы рек очень часто включаются в произведения литературы и искусства, нередко используются в политической риторике, коммерческой рекламе и брендинге территорий. Цель настоящего доклада заключается в анализе социально-политических процессов в Ивановской области, связанных с конструированием образа территории, в контексте использования в этом образе концепта Волги. Крупнейшая европейская река выступает как культурообразующим феноменом регионального уровня, так и значимым образом всероссийского масштаба. Дискурс Волги очень часто используется для конструирования позитивного образа территории.

После образования в 1918 г. Иваново-Вознесенской губернии Волга стала ее естественной границей на северо-востоке и востоке. Так или иначе, но вовлечения этой реки в символический оборот всего местного сообщества долгое время не происходило, хотя номинально и экономически Ивановская область считалась неотъемлемой частью региона Верхней Волги, например в советское время. В самом же местном сообществе ощущение «приволжскости» или «волжскости» долгое время служило водоразделом населения. Ивановская ментальность существенно отличается, например, от кинешемской (приволжской), для которой характерен укоренный «местный патриотизм», берущий свои истоки в том числе в ландшафте (жизнесвязанности с Волгой).

Волжский дискурс стал активно задействоваться в практиках конструирования позитивного образа Ивановской области начиная с 2005-2006 гг. Различные политические, культурные и социальные проекты неизбежно связывались с волжскими землями и волжскими городами, прежде всего Плесом и Юрьевцем. Включение Волги в политико-символический процесс местными элитами привело к определенным успехам. В частности, Плес был включен в федеральную программу развития въездного туризма. Кроме этого, был заявлен проект «Волжская ривьера» — развитие прибрежной территории от Плеса до Кинешмы в Ивановской области.

* Материал подготовлен в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Региональная идентичность в Ивановской области: политика конструирования образа территории» (проект № 15-13-37001).

Об авторе:

ДОКУЧАЕВ Денис Сергеевич, кандидат философских наук, докторант кафедры философии Ивановского государственного университета, заведующий отделом «Центр музейного туризма» ГБУИО «Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д. Г. Бурдылина», Иваново; e-mail: den-dokuchaev@mail.ru

А. Е. Козлов

**Восточные травелоги М. А. Гамазова
в призме природной обусловленности***

Травелог представляет особый жанр публицистической и художественной литературы, занимая пограничное место между fiction и non-fiction и консолидируя в своих содержательных структурах рудименты различных форм письма и творчества. Несмотря на наличие (в ряде случаев) иллюстративных материалов, карт и фотографий, детализированных достоверных описаний, трансформации довольно часто подвергаются и ландшафт, и время путешествия, и само фиксирующее сознание субъекта. Тем больший интерес представляет вопрос о природной обусловленности путешествия, поставленный в исследованиях Е. Г. Милюгиной и М. В. Строганова. Исходя из критерия интуитивной очевидности, исследователи показывают, как меняется способ восприятия действительности вместе с переходом повествователя-путешественника от одной среды к другой. На наш взгляд, восприятие ландшафта зачастую определяется и средством передвижения. Хотя сам по себе этот фактор не несет сколько-нибудь идеологического значения, его использование в нарративе может быть связано с подобной задачей.

Изучение в этом контексте травелогов дипломата и ориенталиста М. А. Гамазова позволяет констатировать наличие как минимум двух повествовательных инстанций, часто взаимно опровергающих друг друга. Так, *человек на корабле / человек на воде* смотрит на мир принципиально иначе; его видение панорамно и часто представляет собой целостное осмысление действительности. Взгляд такого наблюдателя, как правило, расширяется, вбирая в себя некоторые совокупные образы. Взгляд *человека на суше*, напротив, членит действительность, выхватывая отдельные детали и осмысляя целое по наиболее характерным чертам. Эти наблюдения можно распространить и на иные травелогии, посвященные путешествиям по воде и суше. В этом отношении изучение природной обусловленности демонстрирует значимое напряжение, возникающее в диалоге человеческого сознания и ландшафта.

Смена среды путешествия, становясь причиной изменения масштаба восприятия, часто ведет к радикальному переосмыслению наблюдаемой картины — от самой локальной до глобальной, безусловно высшего порядка, картины мира.

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Аннотированный указатель „Русский травелог XVIII — начала XX века“» (проект № 15-04-00508а).

Об авторе:

КОЗЛОВ Алексей Евгеньевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», Новосибирск; e-mail: alexeykozlov54@gmail.com

Е. М. Стрелков

Ухо и эхо: Волга в саунд-артпроектах группы «Дирижабль»

Очевидно, что Волга — это не только географический ландшафт, это и многомерное и многослойное культурное пространство. И художник может работать как с физическим, так и ментальным «контурами» Волги, перекодируя один в другой и создавая таким образом новый виртуальный рисунок.

Именно задача перекодировки решалась нами в медиаинсталляции «Сирены», посвященной феномену волжских водохранилищ. Очертания искусственных морей с помощью специальной программы были превращены в звуковые сэмплы и встроены в интерфейс, позволяющий прослушать «музыку Волги» как отдельно для каждого водохранилища, так и для

их «сводного» хора, когда каждый «инструмент»-водохранилище вступает в «симфонию» после того, как до него доходит луч «локатора», описывающий круг из общего для всех центра — места расположения плотины. Нам кажется, что обращение к звуку в этой работе совершенно не случайно: именно через звук можно метафорически обозначить границы пространства.

Волжские водохранилища — это затопление деревень и городов, замедление течения и цветение воды, гибель рыбы и накопление в придонном иле токсичных отходов. Можно сказать, что художник в такой ситуации выступает в роли диагноста, вслушиваясь в звук больного организма. Водохранилища звучат благодаря специально написанной программе, учитывающей расстояние от точки на побережье искусственного моря до места истекания Волги из него и превращающей это расстояние (с учетом азимута) в частоту и длительность звукового сигнала. Таким образом, авторы проекта (художник Евгений Стрелков, программист Алексей Циберев, флеш-аниматор Дмитрий Хазан) наделяют Волгу звуковыми паролями, что естественно: ведь Волга всегда звучала, и от паровозных мотористов XIX в. требовалось умение выдавать затейливые трели паровыми свистками.

Дисгармоничный, рваный саунд, порождаемый полостями водохранилищ, содержит в себе (на взгляд авторов, но и зрители не раз это отмечали) гармонические обрывки звукооряда той, еще здоровой Волги, которая звучала плеском волн, колокольным звоном, пастушьими рожками, напевами, азанамы, хорами, боцманскими дудками и паровозными гудками. «Сирены» — лишь осколки акустического слепка с уже недоступной нам эпохи: фрагменты порой кажутся мелодичными, но сумбур их чередования и резкость переходов говорят о разрушении целостности волжской сонаты.

Сходен по исполнению, но заметно отличен по идее медиапроект «Сиренада» (авторы те же), основанный на циклах «Шансонетки Нижегородской ярмарки» известных фотографов начала XX в. М. Дмитриева и М. Хрипкова. Девушки на фотографиях позируют в призывных позах на фоне пышной растительности — чем не легендарные обольстительницы моряков! Но на архивных фото сирены молчат, хотя само название циклов «Шансонетки» напоминает о пении.

Звучание создается в нашем проекте с помощью специально написанной программы, переводящей увеличенные и «замыленные» лица певичек в звуковые ландшафты. Поочередно наложенная на все девять фото-портретов спираль из ста точек-«пункций» фиксирует степень глубины черного цвета в каждой из этих точек и превращает полученный набор чисел в набор тонов, а затем и в музыкальные аккорды.

Шансонетки, дошедшие до нас в архивном фотоальбоме, — один из образов истории, образчик неважный, но трогательный. Двойственно поведение шансонеток перед камерой: они и развязны, и смущены. Фото-

кадр, словно рыбацкая подсечка, вырывает из привычной среды жительниц подводного мира, обитателей «дна»: память влечет нас в даль прошлого, как моряков Одиссея влекло к поющим девам на недоступных островах. «Разве не касается нас самих дуновение воздуха, который овеял наших предшественников? Разве не отзывается в голосах, к которым мы склоняем наше ухо, эхо голосов, ныне умолкших?.. А если это так, то между нашим поколением и поколением прошлого существует тайный уговор», — писал по схожему поводу В. Беньямин. Архивные фото немые, их персонажи словно рыбы, выброшенные из глубины века на берег сегодня. Но искусство приставляет к их губам магическое зеркало медиа — и вот с губ, как со спирали допотопного граммафонного диска, льется звук.

Наконец, наш новый саунд-проект «Таблица Гмелина» (2015) — перевод в звук одного из первых измерений сезонного изменения уровня Волги, выполненного в Астрахани в 1770 г. одним из первых серьезных исследователей Волги и Каспия российским академиком С. Г. Г. Гмелином.

Приведенные выше работы имеют несколько общих моментов. С технической стороны — это дигитальные визуально-акустические комплексы, построенные на флеш-анимации и программной трансформации графики в звук, который является основным носителем мессиджа. Ибо, по словам медиа-теоретика М. Маклюэна, «в настоящее время электрическое сжатие несет письменному западу устную и племенную культуру уха», а наши работы так или иначе обращаются к этой «племенной культуре»: к звуковым кодам, будь то песенные или речевые мотивы, и графическим орнаментам, возникающим в результате проектов.

С другой стороны, эти наши проекты обращены к локальной истории, к художественному исследованию местной идентичности. И это обращение к местной истории через призму медийных инструментов закономерно. Ведь, по словам философа Дж. Ваттимо, «интерпретируя мир и оценивая возможные этические альтернативы, мы можем обратиться лишь к зову истории, в которую мы всегда вовлечены: этот зов, естественно, многоголосый, и он обязывает нас быть интерпретаторами».

Об авторе:

СТРЕЛКОВ Евгений Михайлович, сотрудник Музея науки Нижегородского государственного университета, краевед, писатель, музейный проектировщик, медиа-художник, Нижний Новгород; e-mail: rivervolga2012@mail.ru

И. Н. Юдкин-Рипун

Палуба как сцена: театральность литературной маринистики

Задачи инсценизации прозаических повествований о морских путешествиях и приключениях обладают рядом особенностей. Маринистика складывается в эпосе, она не свойственна лирике и драме, но особенно ее развитию содействуют условия художественной прозы. Определяющим фактором тут становятся условия изоляции и одиночества, в которые ставятся персонажи. Прежде всего в ней складываются своеобразные возможности для представления точек зрения на предмет повествования: происходит самоустранение автора, который должен оказаться участником событий, одним из действующих лиц драмы, а тем самым устраняется и эпическая дистанция. Эпическая полнота оказывается невозможной ввиду ограниченности точек зрения. Пространственно-временная организация текста оказывается открытой будущему как в драме. Такие следствия драматизации эпоса сказываются на его содержательности, выявляя характеристические свойства деталей описания. Условия изоляции ограничивают точки зрения свидетелей событий, способствуя переосмыслению деталей как характеристического средства в качестве словесной маски. Преобладание аспекта перехода к новой ситуации как общее свойство прозы ограничивается условиями изоляции, созвучными сценическому пространству. Эпизоды повествования представляются как приемы сцены на сцене.

Об авторе:

ЮДКИН-РИПУН Игорь Николаевич, доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной Академии художеств Украины, заведующий отделом театроведения Института искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины, Киев, Украина; e-mail: iyudkin@yandex.ru

К. А. Нагина

**Водные метафоры и идея домостроительства
в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»**

С Константином Левиным в романе «Анна Каренина» связана совершенно особая — и *тупиковая* для дальнейшего творчества Толстого — линия *дома* как возможного Эдема, *рая* в пространстве русской *усадьбы*. Социальные и метафизические размышления Толстого, касающиеся обустройства *дома* и его границ, отразились в хозяйственной деятельности Левина, за описанием которой стоит заветная мысль Толстого о сопряжении *личного* и *общего*, о путях установления человеком себя в обычном, негероическом времени. Земля, вода и небо образуют в романе тройствен-

ный союз, постоянно напоминая читателю, что человек должен строить свою жизнь не только в пределах собственного *дома* с членами своей семьи, но ощущать себя *обитателем* всего мира.

Символами *новой жизни* для Левина становятся *вода* и *земля*, требующая посева. *Вода* присутствует в весенних и летних главах романа, выступая как первоэлемент бытия, как символ жизни и надежды, обращая к мотиву ритуального *омовения*, возвращающего человека к исходной *чистоте*. Мотив *чистоты* сопровождает Константина Левина, проявляясь в разных вариантах. Механизм поддержания этого мотива в романе неизменен: обнаруживаясь на бытовом уровне, он питает уровень онтологический. *Вода* и связанный с ней мотивный ряд являются одним из вариантов *сцеплений*, необходимых Толстому для установления сопряжения между двумя линиями романа: *вода* имеет непосредственное отношение не только к описанию *домоустройства* Левина, но и к *строительству*, развернутому Вронским в Воздвиженском.

Одной из самых устойчивых водных метафор в «Анне Карениной» является *море*. *Морем* оборачиваются природные пространства: *лес* и *луг*, что передает *морское* состояние всеединства и любви ко всему сущему. Включаясь в контекст сельскохозяйственных работ, *море луга* превращается в *море веселого общего труда*. Крестьянский труд снимает противоречие между *личным* и *общим*, что отсылает к «живому глобусу» Пьера Безухова, одной из самых значимых *водных* метафор Толстого. Связь *морских* метафор с идеей *домостроительства* проявляется и через уподобление дома Левина *тихому берегу* и сравнением семейной жизни персонажа с отправившейся в плаванье *лодкой*.

Таким образом, водные метафоры в романе поддерживают идею домостроительства — основную в линии Константина Левина, сумевшего создать семью — миниатюрную модель большого мира с подвижным, но устойчивым сопряжением личного и общего.

Об авторе:

НАГИНА Ксения Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», Воронеж; e-mail: k-nagina@yandex.ru

Е. А. Иваньшина

Вода как тип судьбы: «Два капитана» В. А. Каверина

Г. Башляр определяет воду как особый тип судьбы, «не только судьбы бесследно ускользающих образов, бессмысленной судьбы сна, которому не суждено кончиться, но судьбы существенной и непрерывно преобразующей субстанцию бытия». С таким типом судьбы мы сталкиваемся в

романе В. А. Каверина «Два капитана». В основе сюжетного детерминизма романа — трагический зов вод, связанный с мыслью героя об умершем отце.

Уже в завязке сюжета вода сигнализирует о смерти: река приносит мертвого почтальона и сумку с письмами, адресат которых неизвестен; на берегу той же реки происходит убийство, в котором обвиняют отца героя. Немой мальчик, с одной стороны, слушает чужие письма, а с другой стороны, не имеет физической возможности рассказать об истинном виновнике происшествия на реке. Мертвый почтальон и река синонимичны как два символа нарушенной связи между отцом и сыном.

Сюжет романа представляет собой восстановление нарушенной коммуникации между миром живых и миром мертвых. Капитан Татаринев как путешественник-мореплаватель — идеальный мертвый. Он как бы замещает умершего отца Сани и становится главной отцовской фигурой, которая вызывается из небытия (ср. с «Гамлетом» и «Детьми капитана Гранта»). Судьба последовательно ведет в смерть не только капитана Татаринова, но и идущего по его следам Саню Григорьева. Как мир мертвых в романе актуализируется север; роль провожатого в этот мир исполняет доктор Павлов.

Вода в романе обладает текстопорождающим потенциалом: она приносит размокшие письма, которые определяют судьбу Сани. Восстанавливая распавшуюся связь, Саня становится вестником смерти капитана и его двойником. Две семейные истории постепенно ассимилируются. Письма из сумки мертвого почтальона и немой мальчик — два испорченных текста, которые, встретившись, начинают взаимодействовать. Распавшаяся связь восстанавливается, когда Саня находит место гибели капитана и его прощальные письма, в которых обретенная речь как бы снова отделяется от своего носителя.

Об авторе:

ИВАНЬШИНА Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж; e-mail: sergiencou@yandex.ru

П. В. Волошун

Образ Крыма как земного рая

в письмах великой княгини Елизаветы Федоровны Романовой

В основу доклада П. В. Волошун легло изучение отдыха великой княгини, который неизменно был связан с наличием воды: ежедневные купания в собственном имении в период замужества, поездки на лечебные

воды, отдых на морском побережье, создание «плавучих лазаретов» в годы Русско-японской войны, паломнические и миссионерские путешествия по рекам России в годы работы в Марфо-Мариинской обители.

В год перед открытием обители, великая княгиня оказывается перед выбором: тяжелая работа в столицах в новом статусе диакониссы или мирное существование вдовы великого князя во дворце на морском побережье.

Природа ассоциируется у великой княгини с земным раем, где она анализирует свою жизнь, думает о встрече с Богом и усопшими родными. Желание активной деятельности, а также ежедневное созерцание моря приводит к тому, что Елизавета Федоровна ассоциирует себя с «маяком» среди страданий человеческих.

В письмах к ближайшей подруге, княгине Зинаиде Юсуповой, Елизавета Федоровна признается, что красота Крыма могла изменить ее решение об открытии в Москве Марфо-Мариинскую обитель милосердия.

Об авторе:

ВОЛОШУН Полина Васильевна, кандидат исторических наук, автор рубрики на портале «Православие и мир», Москва; e-mail: rvoloshun@gmail.com

Т. Ю. Кудрявцева, С. А. Ларин

Вода живая и мертвая

в пьесе братьев Пресняковых «Изображая жертву»

Композиционным и семантическим центром пьесы Пресняковых «Изображая жертву» является эпизод, в котором реконструируются обстоятельства «странного» убийства, происшедшего в бассейне, и жертвой своего легкомыслия оказывается «притворщица» с педикюром зеленого цвета, не пожелавшая сделать выбор в пользу одного из братьев.

Вода в пьесе становится не только посредником, своего рода порталом между миром живых и мертвых, но и предстает субстанцией пугающего главного героя (с «гендерно неопределенным» именем Валя) преобразования. Соприкосновение с водой для него столь же нежелательно и опасно, как взаимодействие с миром женщин: и то и другое равносильно гибели. Вместе с тем в имени «Валентин» можно расслышать и свободный, активный, агрессивный по своей природе «вал», и вязкую, топкую, стоячую «тину».

С водой фатально связан и отец главного героя: он предстает в образе моряка «в черном длинном пальто, клешах, в бескозырке с якорем и большим зеленым рюкзаком за плечами». Зеленый цвет, повторившийся в цвете педикюра утопленницы-изменщицы, маркирует принадлежность героев к потустороннему миру (не случайно пьеса открывается эпизодом, в

котором Валин отец является «из пустоты, из холода», чтобы сообщить правду о своей гибели).

В финале пьесы переодетый в морскую форму Валя уходит вместе с отцом. Вода окончательно поглощает героя: отец-морьяк, как кормчий, открывает для сына возможность перехода в иное, потустороннее пространство, одним из ключевых символов которого становится морская форма (эквивалент савана).

Об авторах:

КУДРЯВЦЕВА Татьяна Юрьевна, аспирант филологического факультета ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный архитектурно-строительный университет», Воронеж; e-mail: tatiana-k2304@yandex.ru

ЛАРИН Сергей Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», Воронеж; e-mail: larin-s@yandex.ru

Г. С. Василькова

**Философско-этическое осмысление морской стихии
в «детских» рассказах Бориса Житкова (концепт «злое море»)**

Обращение к творчеству Б. С. Житкова в контексте «водной» темы обусловлено не только тем, что в литературу он вошел (имея за плечами опыт штурмана дальнего плавания и морского инженера) со сборником «Злое море» (1924), но и тем, что до сих пор вне поля зрения исследователей остаются «морские» рассказы и повести писателя, вошедшие в сборник «Орлянка» (1926), адресованный взрослым читателям. Изучение материалов личного архива Б. Житкова, хранящегося в РГАЛИ, убеждает, что сам он «детским» писателем себя долго не признавал и стремился выйти за рамки сочинений для детей; да и два первых сборника, принесших Житкову известность («Злое море» и «Морские истории»), сам автор к разряду «детской» литературы относить не хотел.

В докладе предполагается взглянуть на маринистику Б. Житкова сквозь призму философско-этических взглядов писателя, воплотившихся в концепте «злое море». По утверждению исследовательницы из Томска Е. Ильиной, изучавшей семантическое наполнение концепта *море* в русском языке, «в русской культуре море может представлять опасность, но со злом не отождествляется». Однако во многих рассказах Б. Житкова морская стихия отмечена главным образом негативными коннотациями: она таит в себе опасность (рассказы «Шквал», «Ураган», «Погибель», повесть «Варь-

ка»), а нередко даже несет людям гибель (рассказы «Мария», «Мери», «Над водой», «Под водой», «Механик Салерно», повесть «Без совести»). Характерно, что чаще всего писатель изображает море беспокойное, штормовое, прибегая нередко к приему олицетворения, поэтому морская стихия предстает как живое существо, наделенное сознанием и волей. При этом оно выступает как сила, не подчиняющаяся даже Всевышнему: «море делает, что хочет, и бог не видит» («Варька»). Тем значительнее оказывается победа человека над морской стихией, которая в художественном мире Житкова равнозначна нравственному преображению, а нередко и подвигу.

Об авторе:

ВАСИЛЬКОВА Галина Сергеевна, доктор филологических наук, методист Центра русского языка Даугавпилсского университета, Даугавпилс, Латвия; e-mail: galina.vasilkova@du.lv